

Михаил Тырин

Грехи ночного неба

«Автор»

Тырин М. Ю.

Грехи ночного неба / М. Ю. Тырин — «Автор»,

Жестокая и агрессивная инопланетная цивилизация вербует землян, зомбируя их для своих коварных целей – овладения самыми современными видами оружия и техники. Планы пришельцев из глубин Вселенной выстроены почти безупречно, механизм влияния на человеческую психику почти совершенен. Но, к счастью, не все люди подвержены страшному воздействию, а значит, Земле не быть лишь одним из сотен уничтоженных миров.

© Тырин М. Ю.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Тырин

Грехи ночного неба

ПРОЛОГ

Гудок приближающегося локомотива прозвучал так громко и неожиданно, что Пашка вздрогнул и проснулся. Он пошевелился на руках у матери и оглядел сонными глазами огни вокзала, отражающиеся на рельсах и на мокром асфальте. Было безлюдно, неудобно, поэтому Пашка снова закрыл глаза и зарылся носом в пушистый воротник матери.

– Мама, а когда мы придем? – тихо спросил он.

Молодая женщина ничего не ответила, лишь сильнее прижала его к себе. Потом Пашка ощутил на своих щеках тепло – оказалось, они вошли уже в здание вокзала. Мать нашла в зале ожидания свободное место, усадила Пашку и сказала:

– Никуда не уходи, я пойду куплю билет. Скоро поедем.

Затем она сунула ему в карман шоколадку, поправила меховую шапочку и почему-то прибавила:

– Прости, сыночек...

Женщине казалось, что в этот момент все с презрением смотрят ей в спину. Поэтому она низко опустила голову, почти бегом пересекла зал, скрылась за углом.

Она вышла на улицу, нашла возле скверика красивую иностранную машину с потушенными фарами. Хлопнула дверью, упала на сиденье и лишь тогда перевела дыхание.

– Все нормально? – спросил ее молодой плечистый мужчина, сидящий за рулем.

Женщина молча кивнула.

– Ну, тогда поехали. – И он завел двигатель.

– Он такой маленький, – сказала наконец женщина. – Я боюсь за него.

Мужчина выключил зажигание и повернулся к ней.

– Я думал, мы уже все решили. Или нет?

– Да, но я... Я боюсь. Мне плохо.

– Ты еще можешь все вернуть. Иди забирай его, и возвращайтесь в свою общагу. Я поеду один. И ты никогда меня не увидишь – я останусь жить в Германии. Выбирай, кто тебе больше нужен, – он или я.

– Нет, нет... Мы все решили. Ты прав. – Женщина до боли сжала пальцы. – Поедем скорее.

– Это другой разговор. – Он вновь завел двигатель. – В конце концов, если дети мешают жить, зачем держать их?

Женщина молчала, пытаясь подавить в себе все чувства. Они миновали площадь, выехали на проспект. Огни встречных машин расходились лучами, преломляясь в осенней водяной пыли.

– Ну, успокойся, – уже мягче сказал мужчина. – Он уже завтра будет в детском доме. Вечером его найдет милиция, его покормят, о нем позаботятся. Честное слово, ничего не случится.

Женщина кивнула и вытерла слезы носовым платком.

* * *

Однако Пашка не попал в детский дом. Первые минуты он сидел тихо и поглядывал на угол, откуда вот-вот должна была выйти мама. Она почему-то задерживалась. Пашка мог подумать, что мать стоит в очереди, но он был совсем маленьким и не знал, что такое очереди.

Потом он начал разглядывать сидящих вокруг людей. Прямо перед ним расположились две худенькие беловолосые девочки с мамой. Они ели вареные яйца с курицей, запивали из термоса и иногда почему-то строго поглядывали на Пашку. Чуть впереди сидел бородатый дедушка. У него было очень некрасивое лицо, все в болячках, а пальто рваное и грязное. Дедушка сидел и ничего не делал, никуда не спешил. Слева от него спали на узлах смуглые черноволосые женщины, их чумазные дети бегали вокруг, кричали, ползали под скамейками и дрались.

Возле стены Пашка увидел группу школьников. С ними был один взрослый – тренер или учитель. Школьники то и дело бегали в буфет пить газировку, потом в туалет, потом снова в буфет...

Пашке тоже захотелось в туалет. Но мама сказала никуда не уходить. Вдруг она придет, а его нет. Скорее всего она придет именно сейчас, ведь ее и так уже долго нет.

Он вновь начал смотреть на угол, за которым скрылась мать. Но оттуда все время выходили другие люди, им не было никакого дела до маленького мальчика, ждавшего свою маму.

Пару раз Пашка вздрогнул и обрадовался, увидев черное кожаное пальто с пушистым воротником, как у мамы. Но всякий раз его постигало разочарование – это были другие женщины.

Он испугался. Вдруг мама потерялась или забыла про него. Он чуть не заплакал, но потом передумал, потому что худые девочки впереди продолжали поглядывать на него. Теперь они ели пирожные, облизываясь и причмокивая.

Пашке тоже захотелось пирожного, он вспомнил, что у него есть шоколадка, развернул фольгу и откусил кусочек. Остальное положил в карман.

Через несколько минут он все-таки решил сходить в туалет. Вернувшись, Пашка увидел, что вдоль рядов идут два милиционера. Они спрашивали паспорта у черноволосых женщин на узлах. Дедушки в грязном пальто уже не было. Пашка решил, что его забрали, потому что он был один. Он испугался, что без мамы его тоже заберут.

Мальчик повернулся и быстро пошел в обратную сторону, туда, где стояли железные ящики камер хранения. Проходя между рядами, он заметил щель в углу и протиснулся в нее.

Было темно и тихо. Пашка постоял несколько секунд и опустился на корточки. Он решил подождать, пока милиционеры уйдут, а потом вернуться на свое место, где его наверняка уже будет ждать мама.

В темноте послышался шорох, затем хриплый мальчишеский голос выкрикнул:
– Место занято! Иди гуляй, сопля.

Пашка в панике вскочил. Раздался смех, здесь было, видимо, несколько человек.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и Пашка наконец разглядел, что в маленькой камерке с низким потолком лежат на полу четверо детей. Он не видел их лиц, только слышал сопение, шорох одежды.

– Хавка есть?

Пашка насторожился.

– Ты че, глухой? Пожрать принес?

– Нет...

– Ну, иди отсюда.

Пашка сделал шаг назад и остановился. Одна из темных фигур на полу зашевелилась, поднялась. Это был худой высокий мальчишка, гораздо старше Пашки. Он подошел и вдруг ударил Пашку коленом в живот. Тот сразу упал на пол, из глаз брызнули слезы.

– Ты че, глухой?! Иди отсюда. – Мальчишка потрогал его ногой. – Стой! Что это у тебя шуршит?

– Моя шоколадка, – сдавленно проговорил Пашка.

– Давай.

Пашка вытащил из кармана начатую плитку, протянул мальчишке. Тот был доволен.

– Ну, вот... Что ты раньше молчал? – Он ушел в свой угол, а потом добавил: – Можешь пока посидеть здесь. Ищи себе место.

Пашка сел, потирая ушибленный живот, и некоторое время слушал, как дети шуршат фольгой, поедая его шоколад.

– Я пойду, – сказал он, поднимаясь.

– А не заложишь? Тогда иди.

– Не ходи, – раздался другой голос. – Там облава.

– Что?

– Хочешь, чтоб забрали?

– Нет.

– Тогда сиди.

Пашка сел, положив голову на колени. Ему было плохо здесь, он хотел к маме, но боялся, что его заберут.

Через несколько минут возле его уха послышалось сопение. Рядом с ним сел другой мальчишка, меньше, чем первый.

– У тебя есть еще шоколад?

– Нету.

– Понятно... Плохо. Есть хочется, а выходить нельзя. А тебя как зовут?

– Павлик.

– Понятно. Меня – Серега.

Пашке тоже очень хотелось есть. И еще – спать.

– Слушай, – продолжал Серега, – а твои-то где? В тюрьме?

– Кто?

– Ну, мать, отец.

– Ничего не в тюрьме. Мама пошла за билетом. Она сейчас придет.

– Понятно. Эй, так ты потерялся?!

– Ничего я не потерялся. Я от милиционера убежал. Чтоб не забрали.

– Понятно. А когда?

– Сейчас. Сегодня.

– Ну, значит, ты потерялся, – настоял на своем Серега. – Понятно! Тебя мать уже везде ищет небось!

– Я к маме хочу, – тихо сказал Пашка и всхлипнул.

– А я от своих убежал, – вздохнул Серега. – Меня отец бил. Он у меня водку пьет и в тюрьме сидел, – добавил он почти с гордостью.

Пашку никто не бил. Они с мамой часто ходили в гости. Мама укладывала его спать в другой комнате или на кухне, а сама шла к своим друзьям. Но Пашка не обижался, ему всегда доставалось что-нибудь вкусное или игрушка.

– Я думаю, тебе надо идти мать искать, – сказал Серега.

– Надо, – согласился Пашка.

– Попроси, чтоб ее по радио объявили. Я тебе покажу, куда идти. Подождем только, пока облава кончится.

– Не ходи, Серый, – раздался хриплый голос длинного мальчишки.

– Да ладно, не засыплюсь.

Когда они выбрались из каморки, Пашка зажмурился от яркого электрического света. Теперь он мог разглядеть Серегу – круглого, добродушного, с рыжими кудрями, слипшимися от грязи. На нем была очень старая и заношенная курточка с не по росту короткими рукавами. Пашка посмотрел на себя и убедился, что его одежда тоже испачкалась, пока он валялся на полу.

На улице уже была ночь. Но мальчик об этом не знал. На вокзалах нет ни дня ни ночи, там всегда ходят люди, звучат сотни голосов, катаются тележки, продаются пирожки, а радио объявляет поезда.

– Вон та будка с окнами, – сказал Серега. – Иди туда, попроси, чтоб твою мать позвали. Я не пойду, меня там знают.

– Могут забрать?

– Уже забирали. Иди, я побежал обратно.

Пашка медленно приблизился к фанерной будке у стены. Он не мог дотянуться до окошечка, в котором сидела старая женщина с красными волосами, поэтому зашел сбоку и толкнул дверь.

– Это что еще! – закричала женщина, едва увидев грязного и несчастного мальчика. – А ну иди отсюда, шпана, пока милицию не позвала!

Пашка очень испугался, но не убежал.

– Позовите мою маму по радио, – очень робко попросил он.

– Чего еще!

– Я от мамы потерялся.

– Когда ты потерялся, где? – Женщина была злая. Ей не нравился грязный, бездомный, как ей показалось, мальчик, и она не хотела тратить на него время.

– Сегодня. Она за билетом пошла.

– Когда? Давно ушла?

– Сегодня... Давно... – ответил окончательно смутившийся Пашка.

Женщина так громко кричала, что проходящие мимо пассажиры замедляли шаги и хмуро поглядывали на мальчика.

– Вот бестолковый! – выругалась женщина. – Ладно, как зовут твою мать? Фамилию знаешь?

– Да.

– Как фамилия?

– Мама Галя.

– А фамилия?

Пашка надулся и замолчал.

– Не знаешь фамилию? Ну и кого мне по радио звать?

– Маму позовите, – упрямо повторил готовый расплакаться Пашка. – Скажите, я ее жду.

– Тебя-то хоть как зовут?

– Павлик.

Женщина тихо проговорила что-то злое и обидное и включила микрофон.

– Женщина по имени Галина, вас ожидает возле справочного бюро сын Павел. Повторяю...

Ее голос прокатился под сводами вокзала, напугав голубей. Пашка сел на корточки у стены и принялся ждать. Сейчас придет его мама и все кончится...

Но мама, конечно, не пришла. Пашка вновь сунулся в будку к старой женщине и попросил ее позвать еще раз. Та взяла телефон, набрала три цифры.

– Дежурка? Пропавшие дети сегодня были? Нет? У меня тут ходит один, говорит, маму потерял. Ага. Маленький. Говорит, сегодня. Ага. Ну так забирайте его, разбирайтесь, мне работать надо.

Как только Пашка услышал слово «забирайте», он отшатнулся от двери. Женщина не успела повесить трубку, а он уже бежал через вокзал обратно к камерам хранения. И вдруг будто наткнулся на стену.

Собственно, ничего особенного не произошло, просто у стены он заметил незнакомого человека. Тот был высокий, в сером плаще, с галстуком. Человек ничего не делал, просто смот-

рел на Пашку. Но смотрел так, что мальчик невольно остановился. Взгляд был неподвижный, твердый, как алмаз, и притягивающий. У Пашки затряслись колени. Он справился с собой и опять побежал.

Пашка был маленький, а вокзал – большой. Он думал, что на большом вокзале легко спрятаться маленькому мальчику.

Он вдруг оказался в том месте, где его оставила мама. Худых девчонок уже не было. Школьники под присмотром своего старшего усердно перетаскивали сумки поближе к дверям. Только черноволосые женщины по-прежнему спали на тюках, и их дети тоже.

Зато появились новые люди. Совсем недалеко две сонные женщины ели разложенный на газете хлеб с колбасой. Одна из них заметила, как Пашка уставился на них, и позвала:

– Эй, бродяга. Не смотри так, на поешь.

Пашка взял бутерброд.

– Дайте еще, – попросил он.

Женщины почему-то засмеялись, отрезали ему еще хлеба и колбасы. Пашка хотел сказать спасибо, но вдруг увидел, что в зал входит человек в сером плаще. Он не спешил, шел прогулочным шагом и даже, кажется, не заметил мальчика.

Пашка повернулся и побежал. И остановился только перед узкой щелью между камерами хранения. Забрался внутрь и прилег на пол. Ребята все еще были здесь, но они спали. Пашка пожевал кусочек бутерброда, остальное он хотел оставить ребятам, но, вспомнив, как его били, съел почти все, сохранив маленький кусочек для Сереги. Вскоре он уснул.

* * *

– Ну что, нашел свою мать? Нашел свою мать-то?

Пашка открыл глаза и ничего не увидел. Это так напугало его, что он в полный голос заревел.

От него отшатнулись две тени.

– Ты, псих! Замолчи!

– Люди ж услышат! Ребята, рот ему держите...

На него навалились, чья-то прокуренная ладошка прижалась ко рту. Пашка пытался кричать, вырываться, но его держали крепко. Однако за несколько секунд ему удалось все вспомнить. Он начал успокаиваться. Его отпустили.

– Ну ты и псих! А если бы услышали?

Пашка сидел на полу и всхлипывал. Все ребята были здесь, они стояли вокруг.

– Нашел мать-то? – спросил Серега.

Пашка помотал головой.

– Понятно...

– Значит, мамка твоя того... Тю-тю, – беззаботно сказал длинный. – Что «тю-тю»? – обиженно переспросил Пашка, вытирая слезы грязным рукавом.

– А то. Бросила она тебя. Улетела.

Пашке показалось что он сейчас опять заревет от обиды. Длинный мальчишка понял это и испугался.

– Ну ты не ори, не ори! Подумаешь, меня тоже бросили. И ничего.

– Кончай ты, Макс, – сказал Серега. – Может, она и правда его искала.

– Может и искала, – мудро согласился Макс. Потом вздохнул: – Жалко, мы вчера всю шоколадку съели. Хавать хочется.

Пашка молча показал маленький кусочек бутерброда. Макс моментально схватил его и засунул в рот под возмущенный гул товарищей.

– Раз – и нету, – сказал он, радостно улыбаясь. – Ну что, пошли хавку искать.

Никто не возражал. Серега с Максом пошли кланяться у пассажиров мелочь, остальные – воровать с лотков апельсины и яблоки. Пашка, который не умел ни того, ни другого, решил воспользоваться своим вчерашним способом. Он останавливался возле завтракающих пассажиров и с жалобным выражением лица глядел на них. В конце концов нервы у кого-то не выдерживали, и с ним делились. Таким способом мальчик всего за полчаса стал обладателем двух помидоров, вареной куриной грудки, нескольких кусочков сыра и хлеба. Ему помогало то, что он пока не успел стать похожим на маленького бродягу и еще вызывал жалость.

Спрятав свое богатство под куртку, он гордо зашагал к камерам хранения. Однако там стояли три милиционера. Пашка выбежал на улицу и сел на скамейку ждать, когда они уйдут.

Повсюду спешили люди, гудели поезда, грохотали вагоны. Пашке нравилось, что никому до него нет дела. Он сунул в рот кусочек хлеба и начал смотреть в толпу – вдруг там покажется мама.

Скамейка скрипнула – кто-то сел рядом.

– Павлик, – раздался незнакомый голос.

Пашка окаменел.

– Павлик, твоя мама нашлась.

Пашка не успел даже повернуть голову и посмотреть, кто принес такую замечательную новость, а волна светлой пьянящей радости уже захлестнула его.

Мама! – И все прошлое становится лишь дурным сном – гулкий и враждебный вокзал, чужие объедки, злые и жадные мальчишки в вонючей каморке, милиционеры... Всего этого больше не будет!

– Мама?!

Он повернул голову и застыл с открытым ртом. Рядом сидел человек в сером плаще. Он держал руки в карманах, равнодушно смотрел перед собой и не улыбался.

– Мама? – неуверенно спросил Пашка еще раз.

– Да, она всю ночь искала тебя. Где ты пропадал?

В глазах у Пашки появилось недоверие. Кто это такой? А впрочем, какая разница, если мама уже нашлась. Пашка не знал, что взрослые могут обманывать.

– Я ее друг, – поспешил сказать человек. – Она просила помочь найти тебя. И я нашел. Сейчас мы сядем в машину и поедем ко мне на дачу. Мама уже там, готовит кремный торт.

Пашка разжал пальцы и кусочек хлеба упал на асфальт.

– Ну, пойдем? – Незнакомец поднялся, мягко коснулся Пашкиного плеча и повел его на стоянку такси.

Мальчик подумал, что надо бы выбросить еду, которую он насобирав. Теперь, когда он больше не маленький бродяга, ему будет стыдно, если эти жалкие помидоры и куриные кости посыплются из-под куртки.

Мужчина сказал что-то вполголоса таксисту, и они, выехав на проспект, помчались по оживленному утреннему городу. Осеннее солнце слегка нагревало салон машины. Пашка прижался к стеклу – он смотрел на город совсем другими глазами, не так, как вчера. Все переменилось, везде чувствовалась радость, праздник, счастье. Мальчика беспокоило только одно: не слишком ли долго ехать к маме?

Город был уже позади, потянулись одноэтажные пригороды, дачи, потом поля. Незнакомец обернулся к Пашке и ободряюще улыбнулся:

– На дачу. К маме.

Пашка задрал куртку и, тайком высыпав еду на пол машины, осторожно задвинул ногой под переднее сиденье. Возле пожелтевшего пролеска мужчина сказал водителю:

– Здесь останови. Дальше пешком прогуляемся.

Трава была мокрая и мягкая. Пашка семенил за мужчиной, боясь, что отстанет.

– Скоро мы придем к маме?

– Сейчас придем. Потерпи...

Они подошли к огромной куче веток. Незнакомец начал откидывать их, пачкая руки о мокрую кору.

– Нам нужно еще немного проехать на машине, – сказал он.

Разочарованный, Пашка опустил на корточки возле дерева. Он готов был заплакать: думал, что уже почти пришли, а оказалось, нужно еще ехать...

Сквозь поредевшие ветки уже проглядывали бока машины. Это была очень непонятная машина: железная, ржавая. И угловатая, как головоломка, что лежала у Пашки в шкафчике для игрушек. Незнакомец откинул дверку и подмигнул Пашке.

– Садись.

Что-то странное прозвучало в его голосе. Какое-то напряжение или сомнение. Пашка ничего не понял, но вдруг почувствовал страх. Он встал и, часто-часто моргая, уставился на мужчину.

– Садись.

Пашка не мог послушаться старшего. Он вздохнул и залез в твердую, холодную кабину.

Лишь через несколько минут, когда машина начала качаться и гудеть, а лес в окошке вдруг уплыл куда-то вниз, он понял, что его все-таки забрали.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Корабль был огромный и очень старый. Это был даже не корабль, а целый небесный остров. Когда-то он летел из глубин космоса, был простым астероидом, состоящим из железа и вольфрама, но потом разумные силы остановили его, умелые руки (а может, и не руки?) проделали ходы, раскрыли залы, пробуравили шахты, вставили люки и иллюминаторы, прикрепили двигательные установки.

И бездомный астероид стал послушным небесным островом.

В самом низу – если считать низом ту часть, где располагались гравитационные платформы – редко кто появлялся. Здесь были мощные машины, реакторы, и их работа плохо сказывалась на здоровье всего живого. Зато чуть выше, где неведомый разум разместил фабрики пищи и кислорода, почти всегда были люди. Они приходили сюда работать после короткого сна и почти никогда не разговаривали друг с другом. Они все были из разных частей света, и рядом могли стоять европеец и китаец, негр и араб...

После работы они поднимались по ржавым трапам на этаж выше и проводили свободное время в узких кельях, где не было никаких развлечений.

Пища, которую они производили, доставлялась еще выше, на этажи, где стояли массивы сложных приборов и аппаратов, где тускло светились экраны и хрупкие существа с большими серыми глазами следили за органами управления небесного острова.

Существа были очень мудрыми и умелыми, но не они решали, куда лететь небесному острову. Право выбирать было у тех, кто сидел еще выше – в самых чистых и светлых помещениях острова. Они были очень похожи на людей. О них речь пойдет позже.

Там, на верхних этажах, сейчас происходило историческое событие. Десятки мальчиков от пяти до двенадцати лет в одинаковых черных костюмах сидели на полу в овальном зале и ждали, когда появится Воспитатель. Сегодня должно было произойти что-то очень важное и, кажется, грустное.

Пашка сидел среди них и терпеливо ждал. Удивительно, но он так и не познакомился ни с кем из ребят, хотя провел на острове больше года. Впрочем, его это не огорчало. Пашка был разумным мальчиком и понимал – зачем знакомиться, если придется расставаться. Вместе с ним в комнате жили два английских мальчика и один малайец. Пашка знал только их имена.

Из темного прохода быстрыми шагами вышел Воспитатель. Он остановился посреди зала и оглядел детей. Они сразу притихли, готовые услышать и впитать каждое его слово, каждый вздох.

– Сегодня вы расстаетесь с «Покровителем», – прозвучал голос Воспитателя в абсолютной тишине. Он говорил на языке острова.

Бог знает, какая буря пронеслась сейчас в душе каждого из мальчишек, но никто даже не шелохнулся, приученный к строгой дисциплине.

– Вы знали, что этот час придет, и готовились к нему, – продолжал Воспитатель. – Мир, откуда вы вышли и куда снова уходите, очень жесток и неразумен. Там царят предрассудки, которые, как вы знаете, являются нашими главными врагами. Но в этом мире есть люди, достойные лучшей доли. Ваша святая задача – спасти этих людей. Спасти и доставить на «Покровитель», несмотря ни на какие трудности и жертвы.

Не могу обещать, что эти люди с охотой пойдут за вами. Они будут возражать, может быть, сопротивляться. Причина тому – их предрассудки. Пока вы лишь слабые дети, но мы будем терпеливо ждать, когда вы окрепнете и станете истинными слугами «Покровителя». Вы исполните свой долг и вернетесь. И тогда мы навсегда покинем этот мир.

Воспитатель опустил голову. Он закончил.

– А как же Зеленая песня?! – загалдели дети.

– Мы не проживем без нее!
– Не разлучайте нас с Зеленой песней.

Воспитатель поднял руку, и шум стих.

– Вы не расстанетесь с Зеленой песней, – сказал он и показал всем пластмассовую коробочку, похожую на транзисторный радиоприемник. – Каждый из вас получит вот это. Берегите это как зеницу ока, никогда не расставайтесь с этим. И тогда, где бы вы ни были, вы услышите голос «Покровителя».

И еще. Что бы с вами ни случилось, никогда ничего не бойтесь. «Покровитель» все знает о вас, всегда видит и слышит вас. Он обязательно придет на помощь. Ну а перед тем как мы расстанемся, с вами поработает доктор Краб.

По залу пронесся легкий гул. Доктор Краб уже стоял в проходе, покачиваясь на своих шести руках – крепких и узловатых. Это был жуткий гибрид человека, паука и черепахи, порождение какого-то далекого мира.

Дети не любили доктора Краба. И вовсе не потому, что он так страшно выглядел – разумный ребенок быстро привыкает к этому. Доктор Краб копался в их мозгах. Всякий раз, когда он обклеивал ребят блестящими лентами, нацеливая на них свои трубочки, им казалось, что внутри появляется кто-то другой. Он осторожно крался по их душам, царапал коготком кору мозга, тихонько дергал за мускулы и нервы. А потом бесшумно уходил, оставляя чувство пустоты и растерянности.

Доктор с нетерпением поглядывал на ребят. Он как будто боялся, что его лишат последнего удовольствия сунуть нос в душу каждого...

Как ни противились дети этому вторжению, они не могли ослушаться Воспитателя. Они встали и спокойно, без шума и толкотни покинули зал.

* * *

Удар был настолько сильным, что Пашка на мгновение потерял сознание. Однако он сразу открыл глаза и выбрался из-под обломков капсулы. Она уже начинала тлеть по краям, превращаясь в невесомый пепел, который ветер разнесет вокруг, не оставив ни единого следа приземления. Кроме, может быть, вмятины на мягкой почве.

Первым делом Пашка проверил приемник, висящий на шее на прочных кожаных ремешках. Он был, кажется, цел. Мальчик огляделся.

Прямо перед ним зияла пустота. На самом деле это было большое скошенное поле, совершенно черное в осеннюю беззвездную ночь.

Позади шумел листвою лес или роща. Горизонт невозможно было различить, но Пашке показалось, что в одном месте небо светлее, чем везде. Человек всегда старается идти к свету, поэтому Пашка посмотрел еще немного, как догорает скорлупа, и отправился в путь. Туда, где светлело небо.

Идти было трудно. Во-первых, потому, что Пашка ничего не видел. А во-вторых, он не мог рассчитать свои маленькие шаги поперек грядок – нога попадала то на грядку, то в ложбину. Наконец, Пашке было здесь страшно.

Впрочем, бороться со страхом он уже умел. Страх – предрассудок, а Воспитатель строго следил, чтобы дети не поддавались предрассудкам.

Время от времени Пашка поглядывал на черное небо и прикасался через одежду к приемнику. Интересно, где сейчас остров? В какой точке неба?

Мальчику трудно далось расставание с «Покровителем», но коробочка на груди согревала сердце и не впускала уныние. Как письмо от далекого, но бесконечно любимого человека, обещавшего вернуться.

«Покровитель» всегда рядом. Он все видит, все слышит и знает. Так учили Воспитатель, доктор Краб и даже король «Покровителя», однажды выступавший перед ребятами.

Впереди послышался шум. Кто-то быстро бежал, шурша ногами по соломе. Пашка остановился и затаил дыхание. Перед ним мелькнула тень – какой-то зверь остановился и зарычал, почуяв чужого. Это была скорее всего бездомная собака, но разве не опасны бродячие псы для маленького мальчика, одиноко идущего ночью по пустому полю?

Собака завывала и побежала прочь. Пашка с облегчением вздохнул. Впрочем, бояться было нечего, да и незачем. Собака не нападала. А если б и напала, «Покровитель» всегда рядом. Воспитатель не мог обманывать.

Впереди показалась полоса – еще более черная, чем ночь. Мальчик огорчился – он решил, что это начало леса, а заходить туда ему не хотелось.

Но это оказались всего лишь деревья и кусты, растущие вдоль асфальтового шоссе. Огорчение сменилось радостью – теперь не придется идти по бездорожью.

Пашка шагал по твердому асфальту с приподнятым настроением. Здесь было не так страшно. Правда, в темноте он плохо видел край дороги и иногда проваливался в канаву.

Сзади послышалось гудение машины. Пашка оглянулся: по краям дороги, по кустам и ключьям ночного тумана расплзалось пятно призрачного света. Мальчик сошел в канаву и присел. Машина промчалась мимо, не сбавляя скорости. За несколько секунд, что Пашка провел в кустах, он вдруг понял, что существует ночной холод.

Он вернулся на дорогу и прибавил шаг.

Дорога шла то вверх, то вниз. И когда Пашка забрался на один из таких холмов, перед ним как будто открылось звездное небо. Впереди лежал город, полный огней даже в глубокую ночь. Пашка остановился.

Он вспомнил слова Воспитателя. Там, на «Покровителе», никто не мог его ударить, обидеть или отобрать еду. Теперь же ему предстояло ступить в дикий мир, где никогда нельзя предсказать, что будет в следующую минуту. Здесь все чужое, здесь никто не позаботится об одиноком, несчастном человеке. Так говорил Воспитатель.

Мальчик передохнул и снова тронулся в путь. Через несколько сотен шагов он разглядел впереди небольшую светящуюся будку. Это был пост ГАИ, там были люди. Пашка сошел с дороги и пробрался за кустами, чтобы его не увидели. Если бы его сейчас забрали, он не смог бы вразумительно объяснить, как оказался ночью на дороге.

С этого места дорога расширялась, по обочинам горели фонари. Пашка шел мимо одноэтажных дачных поселков, мимо придорожных магазинов и автобусных остановок. Потом начался мост – длинный и гулкий. Внизу темнели однотипные складские корпуса, бетонные заборы.

Это был тот самый город, откуда взяли Пашку. Но мальчик не помнил, да и не знал никогда расположения всех улиц, ему предстояло учиться всему заново.

Вскоре промышленный район кончился, пошли серые пятиэтажки и редкие магазины. Пашка с любопытством смотрел в слепые окна домов. Трудно было представить, что за ними – тысячи людей. Мальчику было интересно встретиться с кем-то из них, ведь, по словам Воспитателя, эти люди так сильно отличались от обитателей небесного острова.

Сейчас здесь царил безмолвие.

Пашка все чаще ловил себя на мысли, что ему хочется спать и есть. Увы, город был голый – ни единого теплого спокойного местечка, за исключением подъездов, в которые мальчик не решался заходить.

И вдруг он остановился. Прямо перед ним улицу пересекали две металлические полосы. Обновленная память сработала четко – это железная дорога, и ведет она, конечно, к вокзалу. А вокзал – это...

Пашка не забыл тесную каморку за камерами хранения. Помнил он и то, что на вокзале можно достать еды.

Он пошел по рельсам, но довольно скоро уперся в глухие железные ворота. Тогда он отправился в обратную сторону. Глаза уже слипались, ноги требовали отдыха. Пашка несколько раз уже почти решался присесть, отдохнуть, но потом передумывал, понимая, что встать будет труднее.

Рельсы расходились, сходились, их становилось то больше, то меньше. Рядом шли уже несколько железнодорожных путей. Впереди показались вышки с яркими прожекторами. Пашка понял, что добрался-таки до вокзала.

Он сразу почувствовал прилив сил и настроения. Здесь было светло и многолюдно. Мальчик с интересом разглядывал этих людей, они ведь были совсем другие. И все же он не боялся их.

Внутри вокзала за прошедший год все изменилось. В зале ожидания, на том месте, где он ждал маму, уже не было скамеек. Теперь здесь стояла полированная буфетная стойка. Странно, но ни единое горькое воспоминание не кольнуло его в тот момент.

Он прошел к камерам хранения. Щель между ящиками была забита фанерой. Теперь все, что связывало его с этим местом, все, на что можно было опереться, не существовало.

Пашка пробрался в угол зала ожидания, нашел свободную скамейку и сел. Какая-то пустота была в душе, и хотя Пашка чувствовал, что это лишь предрассудок, он не мог бороться с собой. Он залез на сиденье с ногами, положил голову на подлокотник и уснул.

Зеленая песня плавно взяла его в свои объятия. И вот уже Пашка плывет среди высоких гибких стеблей, мимо зеленых звезд, слабо шевелящих своими лучами, мимо пещер, в глубине которых сияют таинственные огни. На сердце легко и безмятежно. Этот дивный мир принадлежит только ему. Тишина и спокойствие кружат голову. Мальчик то взлетает в светлую высь, то опускается на прохладное дно, трогает руками бархатные листья, смотрит в глаза фантастическим созданиям, обитающим в пещерах...

* * *

Пашка уже проснулся, но не хотел открывать глаза. Зеленая песня вернула ему силу, которую долго не сбьют усталость и голод.

Рядом кто-то шмыгнул носом. Пашке пришлось разлепить веки и поднять голову. На него с усмешкой глядел чумазый мальчишка в яркой, но грязной куртке.

– Эй, деньги есть? – звонко спросил он и обеими руками принялся чесать черные кучерявые волосы.

Пашка помотал головой.

– Врешь! Давай деньги, а то ребят позову.

Сбывались слова Воспитателя о жестокости и неразумности этого мира. Впрочем, Пашка и без этого все понимал, ведь он хорошо помнил, как его бросила мать, как его били, как отняли шоколадку. Все продолжалось. Но сейчас он стал другим человеком. С ним был «Покровитель».

Чумазый мальчишка что-то пробормотал и убежал. На Пашку теперь подозрительно поглядывала полная старуха с двумя перевязанными сумками.

– Вот гляди, мальчик всю ночь тут сидел без родителей, – тихо сказала она своей соседке, такой же старой, но не такой толстой.

– Бездомный, – вздохнула соседка и придвинула поближе свой узел. – Их сейчас полно. Или с интерната сбежал. Я помню, мы в войну...

Соседка начала что-то вспоминать, и про Пашку временно забыли. Зато вернулся чумазый цыганенок, ведя с собой двух товарищей или братьев.

– У него деньги есть, – сказал он. – А он не дает.

– Точно, есть, – согласился второй. – Вон он какой чистенький. Ему мамка небось на мороженое дала.

Третий схватил Пашку за рукав и потянул на себя.

– А ну, пошли за мной!

– Куда? – изумился Пашка.

– Пошли разбираться, почему деньги зажал.

– У меня нет ничего!

– Разберемся.

Пашка схватился руками за подлокотник и не дал оторвать себя от скамейки. За это он сразу получил кулаком по голове. Он извернулся и пнул кого-то ногой в живот.

– Эй! – закричали с другого конца зала. – Шпана! Кончай возню.

Пашка увидел, что толстая старуха ведет двух милиционеров. Цыганята бросились врассыпную, но одного милиционер все-таки поймал. Пашка и не думал убегать. Он с достоинством встал и позволил увести себя в отделение.

Их усадили рядом с цыганенком на высокую скамейку, обитую железом. Пашка огляделся. Справа был деревянный барьер и стекло до потолка. За ним сидел усатый милиционер в рубашке и все время говорил по телефону. Напротив мальчик увидел обитую железом дверь с круглым окошком. За дверью кто-то сопел, кашлял, иногда в окошке появлялись темные пятна глаз. В комнате были еще две закрытые двери.

В отделение вошла пожилая толстая цыганка. Она бросила быстрый взгляд на обоих мальчишек, затем подошла к деревянному барьеру со стеклом. Они с дежурным немного пошептались, и женщина скрылась за одной из внутренних дверей. Пашка услышал ее голос: громкий, но жалобный и умоляющий.

Вскоре она вышла, грубо схватила цыганенка за шиворот и повела прочь. Тот успел с торжеством взглянуть на Пашку.

Мальчик вздохнул и опять принялся наблюдать. Усатый милиционер перестал говорить по телефону, он откинулся на спинку кресла и курил. За дверью с окошечком вновь послышался кашель, затем громкий больной голос с надрывом прокричал:

– Командир, ну дай покурить! Ну дай сигарету, одну, понимаешь?

Дежурный продолжал пускать дым в потолок, думая о чем-то своем.

– Командир! – Голос был неприятным, но Пашке стало жаль человека за дверью, хотя курение и было предрассудком. – Командир, дай одну сигарету, ну одну, тебе жалко, да?

Прошло несколько секунд тишины, и из-за двери раздался тяжелый вздох.

– Скоты, блин. Козлы хреновы, фашисты...

Дежурный оживился:

– Ты ща договоришься! Рот свой поганый закрой, а не то никакой прокурор не поможет.

Пашка встал, подошел к барьеру, поднялся на цыпочки.

– Почему вы не даете ему, что он просит? – спокойно спросил он.

Дежурный выпучил глаза и чуть не задохнулся от возмущения.

– Ты еще!.. Ты еще!..

Пашка вернулся на скамейку. К нему подсел вышедший из-за двери невысокий человек в теплом свитере. Он открыл зеленую папку и аккуратно разгладил чистый лист бумаги.

– Выворачивай карманы, – тихо предложил он.

Однако карманы у Пашки были пусты. Человек удивленно хмыкнул.

– Как зовут?

– Павлик.

– Дальше...

– Что?

- Фамилия, отчество, год рождения.
- Павлик... Семенов.
- Сколько тебе лет? – Человек не поднимал на Пашку глаз, делая пометки на листе. –

И отчество ты не сказал.

- Лет мне... Наверное, шесть, – задумался Пашка.
- Как это – наверное?
- Ну, или пять.
- Интересно... А может, четыре?
- А может, и четыре, – согласился мальчик.
- Ну, хорошо. Где живешь?
- Нигде не живу, – вздохнул Пашка.
- Нигде? А родители твои куда делись?
- Мама ушла билеты покупать.
- Так бы сразу и сказал. Значит, мать ушла, а ты сразу драку устроил?
- Ничего я не устроил.
- Ну, конечно... Постой-постой, мне же сказали, что ты всю ночь там просидел. Когда, говоришь, мать за билетами ушла?

- Наверное, вчера.

Человек задумчиво посмотрел на Пашку и вздохнул:

- Опять «наверное»? И где она теперь?
- Не знаю.

Воспитатель не советовал ребятам врать, чтобы не запутаться. Но Пашка мог нести любую ерунду, ему нечего было бояться. Он твердо знал одно – тайна «Покровителя» должна уйти с ним в могилу, не коснувшись никого из посторонних.

Человек в свитере долго расспрашивал, как зовут маму, куда они собирались ехать, где жили. Пашка ничем не помог ему. А своего старого адреса он и в самом деле не помнил. Тогда человек позвал какого-то Станкова и объяснил ему:

– Виталь, пробей по адресному Галину Семенову, потом в кассах посмотри за последние три дня на нее билеты. Мальчишка какой-то мутный – то ли дурак, то ли, наоборот, слишком умный. Я поеду на Садовую, через час буду. Николай! – крикнул он милиционеру за стеклом. – Присмотри за мальцом, я через час буду.

Дежурный кивнул и цепко посмотрел на Пашку. Мальчик отвел глаза. Больше всего он сейчас боялся двух вещей: что его обыщут и отберут приемник и что посадят за дверь с круглым окошком. Оттуда, кстати, опять начала доноситься возня и мольбы о сигарете.

Через некоторое время стало скучно. Мимо проходили люди, поглядывали на него, но не интересовались, шли дальше. Пашка уже по десятому разу перечитывал объявления о розыске преступников, пересматривал плакаты с изображением бутылок и кривых красноносых мужиков, и еще какие-то тексты, напечатанные синими буквами на плохой бумаге. На «Покровителе» их научили читать, но мальчик не знал, что такое «неуплата алиментов», никогда не касался проблемы алкоголизма и не имел понятия, что такое «Положение об общественных пунктах охраны порядка». Поэтому ему стало здесь неинтересно.

Но Пашка умел ждать. Он честно отсидел на скамейке под бдительным взглядом дежурного, пока вновь не появился человек в свитере. Пашка даже обрадовался.

- Сидишь? – рассеянно спросил человек и скрылся за дверью. Пашка прислушался.

– В кассах никакой Галины Семеновой нет, – раздался голос невидимого Станкова. – В городе нашел троих, у одной сын Павлик, по возрасту подходит. Но она больше года как выписалась из общежития на Красногвардейской на территории «Стройфарфора». Я звонил, так говорят, работала такая, но уже давно уволилась, и никто про нее не знает.

– Год назад уволилась и выписалась? – удивился человек в свитере. Через несколько секунд он опять сидел рядом с Пашкой.

– Так ты говоришь, мамка вчера ушла за билетами? – спросил он, внимательно глядя на мальчика.

Пашка понял, что теперь ему лучше молчать. Он опустил голову и крепко сжал кулаки. Его собеседник все понял.

– Ну, молчи, молчи... Все равно узнаем, где ты целый год пропадал. Есть небось хочешь?

– Хочу, – сразу ответил Пашка.

– Еще бы... Николай! – снова крикнул он дежурному. – Я на обед. Скоро буду.

Они вместе вышли из здания вокзала. Моросил холодный дождик, людей было немного – они все собрались в залах ожидания и под навесами.

– Пойдем, – сказал человек и взял Пашку за плечо. – Меня зовут Евгений Петрович, кстати. Что мы с тобой делать-то будем?..

В столовой было тепло и немногочисленно. Евгений Петрович взял себе и Пашке по тарелке борща, макарон с сосисками и чай.

– Ты к матери обратно хочешь?

– Мне все равно, – ответил Пашка.

– Ничего себе... – удивился Евгений Петрович и дальше обедал молча.

Когда они допивали чай, в столовую вошел и присел рядом пожилой маленький милиционер в очень старой, измятой форме. От него пахло бензином.

– Жень, – сказал он, крутя на пальце связку ключей, – надо ехать на Никольскую. Два трупa на насыпи. Поехали, прокурор уже в машине.

Евгений Петрович с досадой вздохнул и отставил стакан.

– Черт, хотел успеть с мальчишкой разобраться. Он с утра у нас сидит.

– Поехали, Жень. Прокурор ждет...

* * *

Вновь Пашка сидел на жесткой скамейке и скучал. День почти кончился, а ничего так и не произошло. Человек за железной дверью с окошечком вел себя тихо, может, спал. Дежурный все время говорил по телефону. Люди все так же ходили мимо.

Потом в отделение вошел человек в черной рабочей куртке. Дежурный вопросительно уставился на него и тот доложил:

– С вырезвителя.

– А-а, да-да..

Дежурный, гремя ключами, вышел из-за барьера и открыл дверь с окошечком. Оттуда появился небритый старик, худой и грязный, в обвисшем, выцветшем плаще. Пока дежурный оформлял бумаги, старик доброжелательно поглядывал на Пашку, чувствуя в нем брата по судьбе. Затем его увезли.

В условиях тоскливого ожидания этот незначительный случай показался Пашке целым событием, которое стоило обдумать, и сделать надлежащие выводы.

Пашка долго размышлял и в итоге решил, что старик, быть может, такой же слуга «Покровителя», и его также забрали. Старик, наверно, тоже догадался, но не подал виду – слугам запрещено было узнавать друг друга при посторонних. Потом Пашка начал подниматься ввысь на зеленых волнах волшебного сна. Они захлестнули его, и он забыл обо всем на свете...

Пробуждение в этом тесном, знакомом до каждой трещинки помещении произвело на Пашку тягостное впечатление. В комнате ничего не изменилось, не считая дежурного. Теперь за стеклом сидел молодой светловолосый милиционер в мундире. Но и он не обращал на Пашку никакого внимания.

В душе у мальчика вдруг защемило. Он не мог знать, что это естественное стремление живого существа к свободе, но все же почувствовал: надо что-то делать. «Покровитель» не для того послал его сюда, чтобы он отсиживался в кабинетах.

За стеклом зазвонил телефон. Дежурный резко повернулся и неосторожным движением смел со стола несколько бумаг. Он наклонился за ними и на несколько секунд стал для Пашки невидимым в этот момент. Мальчик быстро прошмыгнул за дверь.

Ничего не произошло. Никто не окликнул его, не встретился у входа. Пашка шел все быстрее и наконец выбежал из вокзала. И тут же столкнулся с давешним стариком.

Тот стоял и улыбался, глядя на Пашку.

– Ну что, убег ты от них?

– Да.

– Тогда давай за мной, пошустрее.

Они перебрались через пути и залезли в вагон электрички. Почти сразу дверь закрылась и вагон качнулся. Старик так уверенно взял мальчика в оборот, что тот почти не сомневался в его связи с «Покровителем».

Они не стали проходить в вагон, оставшись в тамбуре. Старик полез в карман за сигаретами. Пашка удивился – курение было предрассудком. Правда, это могло быть особое задание...

– Не куришь? – спросил старик, заметив, как пристально Пашка смотрит на его сигарету. – Хочешь, я тебе дам...

Пашка решил, что старик проверяет его.

За грязным окном электрички убегали назад пожелтевшие перелески, пустые мокрые поля, на которых уже давно убрали урожай.

– Значит, убег ты от них, – повторил старик и зашелся в сухом удушающем кашле.

– Это правильно, – добавил он, когда приступ прошел. – А я тебя сразу заприметил. Утром, как из трезвиловки отпустили, я сразу пошел тебя ждать.

– Спасибо, – сказал Пашка.

Ему было жутко интересно, куда они едут. Но привычка не задавать вопросов работала четко. Мальчик знал, что ему все скажут, когда придет время.

Они вышли к пустой платформе, заросшей можжевельником. Тропинка вела через пожелтевшую березовую рощу. Впереди показались разноцветные крыши дачного поселка.

– Вот он, – сказал старик, остановившись перед большим двухэтажным домом с высокими окнами. – Давно к нему подбираюсь. Только все никак... Постой-ка здесь.

Старик ушел в маленький незапертый сарайчик и через минуту вернулся, неся с собой две старые газеты и жестяную банку из-под краски. Мальчик внимательно наблюдал, как старик расстилает газету на земле, размазывает по ней остатки краски.

– Сходи вокруг, посмотри, есть кто, нет...

Пашка забежал за дом и, никого не увидев, вернулся. Тогда старик встал на ящик, наклеил газету на стекло и ударил локтем. Стекло ввалилось внутрь почти без шума.

– Иди подсажу, – сказал старик. – Там решетки, ты через них пролезь и открой мне дверь.

Мальчик забрался на плечи старику, вынул оставшиеся куски стекла и протиснулся сквозь крашенные белой эмалью прутья. В доме было холодно и сумрачно. Пашка быстро, чтобы не успеть испугаться, прошел через комнаты и дотянулся до замка.

Старик, не вытирая грязных сапог, прошел на ковер и сразу начал копаться в шкафах, выкидывая все, что понравится, на стол в середине комнаты.

– Подымись наверх, глянь, что там, – попросил он.

Пашка полез по неудобной лестнице с большими ступеньками. На втором этаже была всего одна комната с диваном, книжными шкафами и кухонным столом. На столе стоял накрытый полиэтиленом телевизор.

Когда Пашка спустился, старик уже связывал вещи в узел. На скамейке стояли открытые консервы и полупустая бутылка.

– Ну, чего там?

Пашка описал все, что увидел.

– Телевизор, говоришь? – обрадовался старик. – Ну-ка...

Перед тем как уйти на лестницу, он обернулся.

– Поешь вон... Самогонку-то не пьешь? Нет? Попей, если хочешь.

Пашке захотелось консервов, но он не стал есть вилкой, которой только что пользовался старик. В ящике стола он нашел красивый нож с потемневшей деревянной рукояткой. И, отколупнув кусочек консервов, стал жевать, раздумывая над поведением старика. Если это он выпил полбутылки, тогда он точно не слуга «Покровителя». Алкоголь не допускался ни в каком виде. Из пьяного человека легко выудить тайну.

– Правда, телевизор, – сказал старик, спустившись к Пашке. – Ты поел? Ну, пойдем. Ого, нож хороший! Дай-ка сюда...

Он взвалил узел на плечи.

– За телевизором к вечеру придем. Пошли...

По дороге на станцию старик свернул с тропинки и спрятал узел, завалив его ветками.

– Потом заберем, – объяснил он. – Сперва договоримся телевизор сдать.

За железнодорожными путями был жилой поселок. Старик оставил Пашку на улице, а сам вошел в один из домов. Он пробыл там недолго, вышел с хорошим настроением и, как показалось Пашке, еще более опьяневшим.

– Пляши, малец! Сегодня будут у нас деньги. Пошли за телевизором.

Пашка уже устал, его ноги промокли от сырой травы. Он уныло плелся за стариком, который на радостях стал очень болтливым. Он все рассказывал про каких-то друзей, про трактора, про тайгу, про свои болезни...

– Не пойму, малец, отчего ты такой молчун?

Пашка пожал плечами.

– Правильно. Много говорить – оно ведь тоже ни к чему.

Когда они снова оказались в злополучном доме, Пашка сел на диван и прикрыл глаза. Перед ним поплыли красные круги. Старик снял с дивана покрывало и полез наверх, заворачивать телевизор. Мальчик взял со стола недоеденные консервы, обтер грязную вилку о скатерть и мгновенно опустошил банку. Он почувствовал себя немного лучше.

В это время на улице послышался хруст веток. Мальчик осторожно выглянул и сразу спрятался обратно. Во дворе стоял какой-то человек с рюкзаком. Он с тревогой разглядывал разбитое окошко.

Пашка пулей взлетел к старику.

– Там кто-то пришел! – зашептал он.

Старик опустил телевизор на пол, нащупал что-то на поясе.

– Хоронись здесь, пока не приду, – хрипло сказал он.

Пашка осторожно опустился на пол и прислушался. Внизу раздался скрип двери, сдавленный крик, какая-то возня, стук...

Старик неожиданно появился на лестнице, тараща водянистые глаза и постоянно вытирая руки о плащ.

– Давай телевизор сносить! – крикнул он.

Внизу Пашка увидел красные полосы на полу. Он так испугался, что не стал ничего спрашивать. Старик суетился, нервничал и даже иногда срывался на Пашку с ругательствами.

– Волоки узел вон в тот лесок, – сказал он уже на улице. – Я сейчас...

Телевизор был небольшой, но неудобный. Пашка то пытался взвалить узел на спину, то тащил волоком по грязи. Когда он, весь промокший и ошалевший от усталости, добрался до зарослей, старик его уже почти догнал. От дома ветер относил ключья серого дыма.

– Не расслаживайся, – приказал старик и закинул узел за плечо. – Сейчас сдадим телевизор и надо бечь отсюда.

Были уже сумерки, лес стал походить на старое кладбище. Пашка от усталости едва не спал на ходу. Старик тяжело дышал и почему-то все время повторял: «Ничего, ничего...»

И вдруг сердце мальчика похолодело. Страшная мысль пришла ему в голову: а что, если все это не случайно, и «Покровитель» намеренно свел его со стариком? Что, если человек, которого убил старик, и был тем самым избранным и его следовало спасти? А Пашка не смог этого сделать, не смог понять ситуации и приказа «Покровителя»...

Это тяжкое озарение отняло последние силы. Пашка стал отставать, и старик подгонял его грубыми окриками.

Впереди мелькнули огни, деревья расступились. То, что произошло дальше, Пашке запомнилось на всю жизнь.

На переезде их вдруг окликнули. От пустой будки стрелочника отделилось пять теней.

– Гляди, Федор... Они, нет?

– Ну-ка... Они! Точно, они! Я их запомнил.

Поселковые мужики отобрали у старика узел и начали избивать. Удары были глухие и страшные, на грязную щебенку отлетали брызги крови. Пашку в это время крепко держал за волосы сухопарый бородач. Он иногда сильно встряхивал мальчика и приговаривал:

– Уработались, бандюги... Будет вам теперь...

Бородач, похоже, очень хотел принять участие в расправе над стариком, но нужно было держать Пашку.

Старик уже хрипел, корчась на залитых мазутом шпалах, водил ладонями по окровавленной голове и беспомощно повторял:

– Шапку куда дели?... Шапку дайте, суки!..

Вдруг Пашка понял, что его отпустили. Мужики побежали в лес. К переезду подкатил, полыхая мигалками, милицейский «козел».

Мальчик пригладил рукой волосы, взлохмаченные нервным бородачом, и мимо хрипящего старика шагнул навстречу фарам...

* * *

... – Подвел ты нас, Павлик, – качал головой Евгений Петрович.

Сегодня он был уже в костюме и сером джемпере.

– Я и сам, конечно, виноват – завертелся, забыл про тебя... Но ты-то зачем убежал, а? Тебя вроде никто не обижал здесь...

Пашка молча ел холодные макароны с хлебом в сером прокуренном милицейском кабинете. Он был очень рад, что его путешествие со стариком закончено.

– Ты понимаешь, что принял участие в убийстве? – продолжал Евгений Петрович. – Ни в чем не повинный человек, а вы мало того, что обокрали...

– Мне все равно, – спокойно ответил Пашка.

– Ничего себе... Что ты за человек, не понимаю.

В дверь просунулся начальник отделения.

– Жень, выйди-ка...

Пашка продолжал есть макароны, не слушая, о чем они говорят за дверью.

– Что с пацаном?

– Странный он. Очень. Я ведь его даже и не допрашивал. Только один раз попросил все рассказать. Он как начал – и без перерывов все мне выложил. Все, понимаешь? Как ехали, как окно били, что ели и что брали, что дед ему говорил и какими словами ругался... Это не парень, а магнитофон. Я только записывал.

– Наверно, уже знает, как все делается. Видать, не в первый раз. А на вид – ангелочек...

– Это точно. Что делать-то с ним?

– Женя, мне уже ехать надо, занимайся с ним сам. Спецприемник закрыт, у них там карантин вроде. Придется мальчику еще ночку у нас провести, а завтра вези его в детдом на Советскую.

– Без документов?

– Договорись сам с Альбиной, если что – сошлись на меня. Оформим его по ходу дела. Если, конечно, родители не найдутся.

Евгений Петрович вернулся в кабинет и сразу остановился, боясь сделать лишнее движение. Пашка спал, положив голову на обшарпанный письменный стол.

* * *

Утро Пашка встречал в сумрачном холле детского дома, на клубных сиденьях с ободранной обивкой. Здесь пахло невкусной жирной пищей и еще чем-то казенным.

Было тихо – в классах шли занятия, а малыши уехали в город смотреть спектакль. Изредка по коридору пробегали дети, бросая на Пашку многозначительные взгляды.

Входные двери были заперты, окна забраны ажурными решетками. Но Пашка не собирался никуда бежать. Он уже пришел к выводу, что ему следует избегать бродяг, нужно искать стабильность и таким образом закрепляться в городе. Детский дом, как ему казалось, подходил для этой цели.

Электрический звонок неприятно ударил в барабанные перепонки. Гулкие коридоры начали заполняться детским шумом, забегали туда-сюда воспитанники в домашней одежде, с простыми короткими стрижками. Пашка убедился, что некоторые специально пробегают мимо по несколько раз, чтобы поглазеть на него.

Наконец к нему величаво подошла крупная женщина в длинном платье с множеством блестящих украшений. Это была Альбина Сергеевна – завуч по воспитательной работе.

– Идем, малыш.

Пашка шел по коридору впереди завуча, дети расступались, многие глядели на него с усмешкой. Как будто уже приготовили для новичка какую-то гадость... Пашка вдруг почувствовал атмосферу враждебности и пожалел, что не убежал отсюда.

На верхних этажах находились жилые помещения. Каждые две комнаты имели общую прихожую и туалет. В одной половинке жили мальчики, в другой – девочки. Такой блок составлял школьную семью.

– Познакомься со своей семьей, малыш, – сказала Альбина Сергеевна, подтолкнув его в комнату.

Пашка робко поднял глаза.

Перед ним сидела большая девочка со светлыми волосами. Она была здесь самой старшей и, видимо, считалась в семье «мамой». Ее звали Даша. Еще одна девочка в спортивном костюме подошла бы Пашке в качестве старшей сестры. Ее представили как Аню. А вот двое мальчишек – Витка и Олег – не были похожи ни на «отцов», ни на старших братьев. Они выглядели чуть старше Пашки, но на лице у каждого было какое-то несерьезное, хулиганское выражение. Человек, который хочет, чтобы его уважал младший, не позволит себе такого выражения.

– Какой хорошенький! – заулыбалась Даша.

Пашка сразу просветлел. К тому же здесь не пахло жирной пищей, похоже, девочки усердно спрыскивали обе комнаты духами.

Аня тоже улыбалась. А вот мальчишки никакой радости не выказывали. Пашка был слишком маленький и не годился им в компанию.

– Сейчас Павлик пойдет мыться и переодеваться, а вы приготовьте ему постель и место в шкафу.

Пока Пашка шел по коридору, он чувствовал себя хорошо. Но едва лишь он оказался в раздевалке, его пронзила мысль, от которой лоб покрылся капельками пота.

Мыться! Значит, нужно снимать одежду – и приемник тоже! А если его украдут? Взять с собой? Но он может испортиться от воды.

Альбина Сергеевна вышла. Мальчик снял с себя куртку, штаны, рубашку. Ничем не защищенная пластиковая коробочка висела на шее. Пашка снял ее, подержал в руках, осматривая помещение. Может, завернуть в рубашку и положить в угол шкафчика?

Но шестое чувство подсказало, что не стоит этого делать. Что тогда? В раздевалке, как назло, нет никаких укромных уголков – даже щелей под шкафчиками нет.

Лишь в углу громоздилась куча грязного постельного белья. Пашка подбежал и быстро сунул приемник в самый низ.

В душевой он наспех намылился, постоял под струями теплой воды и выскочил обратно в раздевалку.

Толстая полусонная прачка в грязном фартуке наклонилась над кучей белья. Пашке захотелось закричать, оттолкнуть, напугать ее. Но он молча стоял и смотрел, как женщина загребает в свои полные руки простыни и наволочки.

Она распрямилась и, не взглянув на мальчика, скрылась за дверью. Он подскочил к тому, что осталось на полу, отшвырнул ногой...

Приемник лежал на месте.

Пашка открыл свой шкафчик и тут же поблагодарил судьбу, что не оставил здесь приемник. Кто-то уже забрал его одежду и повесил на крючки другую – казенную.

Когда Пашка надел мятые черные брюки, застегнул клетчатую рубашку, в раздевалку заглянула Альбина Сергеевна.

– Ты готов? Сейчас пойдем к медсестре на осмотр.

Значит, снова раздеваться... Пашка положил приемник в карман брюк и старался не отнимать руки от своей единственной драгоценной вещи.

Большая часть дня прошла беспокойно. Пашку водили по кабинетам, устраивали собеседования, выдавали одежду и предметы личной гигиены, знакомили с расположением коридоров и помещений, объясняли распорядок его новой жизни.

Еще был обед – не слишком роскошный, конечно, но не Пашке быть привередливым.

После обеда приезжали люди с телекамерой. Они сняли Пашку со всех сторон, задали несколько вопросов. Напоследок обещали, что вечером покажут его по телевизору – вдруг родители откликнутся.

Но посмотреть телевизор не удалось, потому что вечером приехал Евгений Петрович. Они нашли наконец Пашку в картотеке ЗАГСа, потом обнаружили в детской поликлинике его медицинскую карту и восстановили свидетельство о рождении. Таким образом, Пашка получил наконец статус гражданина этого мира, что очень его порадовало. Это ведь и было первое задание «Покровителя».

Евгений Петрович обещал иногда навещать. Похоже, он не считал, что Пашкино дело закончено, и хотел восстановить «белые пятна» в его биографии. Но мальчику нечего было бояться. Как бы ни был жесток этот мир, здесь еще жила заповедь о невинности детей.

В этот первый день Пашка не успел даже толком познакомиться со своей семьей. А проснувшись на следующее утро, обнаружил, что он в комнате один.

Он лежал в мягкой кровати, от которой отвык за последний год, когда в комнату заглянула молодая женщина в очках. Пашка сразу узнал свою новую воспитательницу.

– Ты должен был встать еще полчаса назад, Павлик. У нас строгий распорядок.

– Простите, Нина Ивановна. Меня забыли разбудить.

Воспитательница засмеялась.

– Ладно. На первый раз прощается. Выспись хоть в первую ночь.

– Нет-нет, я уже выспался...

Он вскочил, побежал умываться, а потом – в столовую. Порция омлета и остывшее какао сиротливо ждали его на пустом столе. Пашка сел, начал неторопливо есть. В залах уже суетились дежурные из младших групп – собирали со столов грязные тарелки и несли их на мойку.

Невысокий полноватый мальчишка в клеенчатом фартуке вдруг уселся напротив. Пашка насторожился, однако продолжал есть, не поднимая глаз.

– Не узнаешь, что ли? – спросил мальчишка.

Пашка взглянул в круглое лицо с мягкими чертами, окинул взглядом рыжие кучерявые волосы.

Узнаю, – сказал он. – Ты – Серега.

– А я думал, забыл. Помнишь, как мы на вокзале-то?.. Ты мать-то нашел?

Пашка помотал головой.

– А я тебя еще вчера узнал. Тебя откуда сюда пригнали?

– Ниоткуда. Меня на вокзале нашли.

– Понятно. А я думал, куда ты тогда делся-то? Думал, может, ты мать нашел. А правда, куда ты пропал тогда?

Пашка смутился. Почему-то не хотелось врать старому приятелю. Со взрослыми было проще.

– Да я... Так, – прошептал он.

– Понятно. А нас с ребятами с поезда сняли. Мы в Москву поехали. Меня сначала матери вернули, но я опять убежал. Тогда меня сюда... Но я и отсюда убегу.

Пашка лихорадочно думал, что бы ему рассказать про себя.

– Слушай! – продолжал Серега, – просись у Нины в наше звено. Мы сегодня в столовке дежурим. Просись, вместе будем, а?

– Давай, – сразу согласился Пашка.

Однако проситься не было нужды. Пашку определили работать по столовой, потому что все остальные звенья уже собрались и разъехались: кто собирать мусор в сквере, кто подметать дорожки на Братском кладбище, кто на фабрику – на экскурсию.

В звене, кроме Пашки, было еще человек двенадцать. Дети называли его «новенький» и часто обращались к нему с разными вопросами. Им нравилось, как серьезно и внимательно этот малыш умеет слушать, как рассудительно отвечает.

Пашка ходил между столами с большой влажной тряпкой и смахивал на пол крошки, вытирал лужицы какао. Серегу Нина Ивановна отправила в другой зал переворачивать стулья. Там девочки начинали мыть пол.

Когда столовая была убрана, воспитательница собрала детей вместе и объявила, кто как трудился. Про Пашку она сказала, что он работает старательно, но надо чуть побыстрее.

Не успели дети толком отдохнуть, пришло время накрывать столы к обеду. Пашке как самому маленькому ставили всего три тарелки на поднос, и он с величайшей осторожностью нес его между столами. Вскоре к нему присоединился Серега, и работа пошла веселее.

На столах уже дымились кастрюли с супом, блестели чистые тарелки в ожидании воспитанников. На отдельных тарелочках лежали свежие песочные пирожные к чаю.

За дверями нарастал шум голосов. Воспитанники помыли руки и ждали, когда их пустят в столовую.

Они влились неудержимым разноцветным потоком, галдя, грохая стульями и посудой. Снова у дежурных началась беготня – кому-то не хватило ложки, кто-то уронил на пол тарелку с хлебом, кто-то пролил суп на стол...

Пашка увидел, что Серега несет куда-то пирожное, завернутое в салфетку.

– Что, не хватило? – спросил он.

– Нет, – ответил Серега и покраснел. Потом тихо добавил: – Это из моего обеда. Для Садыка...

– Кого? – не понял Пашка.

– Вон, – Серега кивнул на ряды, где сидели старшие группы. Пашке сразу бросился в глаза плотный стриженный парень в клетчатой рубашке. Он что-то рассказывал соседям, громко смеялся и строил рожи.

– Зачем ты ему отдаешь пирожное? Оно же твое.

– Он так велел. А то бить будет. Ну ладно, я пошел, а то...

– Бить... – тихо повторил Пашка и надолго задумался.

Он выбрал удобный момент и снова подошел к Сереге.

– А почему ты его не бьешь?

– Я? – удивился тот. – Но он же здоровый!

– И что?

– Он меня тогда еще сильнее изобьет.

Пашка еще раз оценивающе поглядел на Садыка и повернулся к Сереге.

– Я что-нибудь придумаю. Ты не будешь отдавать ему свое пирожное.

Когда дежурным дали наконец время пообедать, Пашка сделал для Сереги единственное, что мог. Он разломил свое пирожное и отдал половину другу. Он, правда, сам не понимал, почему так поступает.

* * *

С семьей у Пашки отношения не сложились. Нет, никто не желал ему зла, но Пашка был слишком маленьким и не мог найти ни с кем общих интересов. Девочки сначала пытались поговорить с ним, расспросить о прошлом, но Пашка отвечал путано, и от него вскоре отстали. Общение с семьей теперь ограничивалось плановыми мероприятиями – уборкой, обсуждениями фильмов и т.д.

В тот день младшее звено отправили наводить порядок на территории вокруг здания. Было холодно, Пашка надел свое короткое пальто в клетку и вязаную шапочку. Он ходил по газону и собирал желтые листья. Мальчик старательно нагибался за каждым, но ветер приносил все новые и новые...

Настроение было осеннее, разговоры не клеились, ребята разбрелись между деревьями и думали о своем. Пашке надоело работать, он хотел вернуться поскорее в теплое помещение.

И вдруг на дорожке появился человек. Пашка сразу узнал Евгения Петровича.

– Здорово, пацан, – улыбнулся он. – Ну, как ты тут?

– Хорошо, – ответил Пашка. Он заметил, что все ребята перестали работать и смотрят на них. Они ожидали, что появление нового человека внесет хоть какое-то разнообразие в унылость дня.

– У меня вот какое дело, – продолжал Евгений Петрович. – Ты говорил, что помнишь, куда вы с дедом узел с вещами сунули?

– Да, все помню.

– Можешь показать?

– Конечно.

– Дед-то умер в больнице...

Евгений Петрович посмотрел искоса на Пашку, ожидая хоть какой-то реакции. Но реакции не было.

– Дед умер, а хозяева дачи просят вернуть вещички. Я с твоими старшими договорился, пойдем в машину. До вечера обернемся.

Пашка с облегчением бросил в мусорную кучу несколько листочков, которые еще держал в руке.

– Поехали.

Лес был уже совсем голый. Пашка шагал по тропинке, разбрасывая листву ногами. Он безошибочно нашел нужный поворот и привел Евгения Петровича к куче веток, под которыми покоился промокший узел с дачным барахлом.

– На волю-то не тянет? – поинтересовался Евгений Петрович, когда они шли обратно.

– У меня там никого нет, – ответил мальчик.

– Это хорошо... Вернее, я хотел сказать, плохо. Хотел бы я посмотреть на твою мамашу. Хотя тебе это, конечно, все равно?

Когда они выезжали на трассу, по крыше машины начала стучать снежная крупа. На пустынной дороге блестели колючие замерзшие лужицы, и Пашка думал: как хорошо, что он сидит в теплой машине, а не бредет один по ледяному полю.

Потом вдруг машину ударило, перекосило и развернуло поперек дороги. Евгений Петрович резко нажал на тормоза и, отчаянно ругаясь, выскочил из кабины. Он заглянул под днище и покачал головой.

– Шаровая опора вылетела, – пробормотал он, вернувшись. – Хорошо, медленно шли, а то бы убились. Черт, как назло, вчера рацию сняли.

Он встал у обочины и начал тормозить проезжающие машины. Пашке надоело сидеть, он тоже вылез, сунул руки в карман и стал хмуро разглядывать ровный горизонт. Он не верил в судьбу и твердо знал, что это «Покровитель» не дал им погибнуть.

Наконец Евгению Петровичу удалось остановить какой-то грузовик. Некоторое время он говорил о чем-то с водителем, потом позвал Пашку обратно в кабину.

– Пошли погреемся. Нам еще долго тут куковать. Я сказал, чтоб он в городе нашим передал. Может, через час подъедут.

Они сидели тихо, слушая шорох первого снега.

– Друзей-то нашел себе? – поинтересовался Евгений Петрович.

– Нет, – ответил Пашка. Потом вспомнил про Серегу. – Вообще-то, да. Нашел.

– Конечно... Хорошие хоть ребята?

– Хорошие.

Евгений Петрович закурил, открыл ветровое стекло. Машину наполнила волнующая атмосфера сырой осени и дыма.

– Странный ты, пацан. Вроде и на бандита не похож, а все же чувствуется, тертый. Я вашего брата насквозь вижу, а ты... Знать бы, что из тебя выйдет.

Он явно вызывал Пашку на откровенный разговор.

Но в этот момент мальчик вдруг почувствовал, что в него вошло что-то. Он напрягся и с трудом выдохнул воздух.

Евгений Петрович по-своему истолковал Пашкино молчание, усмехнулся и стал смотреть в окно.

Приступ прошел быстро. Но внутри Пашки уже кто-то сидел, привычно перебирая нервные окончания, раздумывая, за какое подергать. Это было так знакомо и так реально... Мальчик почти ощущал рядом хриплое дыхание доктора Краба.

– Что с тобой? – испугался Евгений Петрович.

– Нам нужно поскорее в город, – выдавил Пашка.

– Тебе плохо? Ну, скажи что-нибудь!

Он полез за аптечкой, надеясь, что там осталась хотя бы пара ампул нашатырного спирта. Но Пашке не было плохо. Просто он перестал владеть собой. И в город просился не он, а тот, кто сидел внутри.

– Черт! – воскликнул Евгений Петрович и выбежал на дорогу.

Почти сразу он остановил белую «Волгу» и, размахивая удостоверением, потребовал везти их в город. Когда машина набрала скорость, Пашку отпустило. Он расслабился.

Быстро темнело. Евгений Петрович негромко переговаривался о чем-то с водителем, а впереди надвигались огни города.

– Как ты?

– Нормально, – ответил Пашка окрепшим голосом.

– В больницу поедem?

– Нет, уже не надо.

Когда они подъехали к воротам детского дома, Пашка, как автомат, вылез из кабины и остановился. Ему нужно было войти в дверь, но кто-то внутри как будто держал поводья. Евгений Петрович слегка подтолкнул его, Пашка стиснул зубы и шагнул к дверям.

– Вот, сдаю с рук на руки, – сказал Евгений Петрович вахтеру.

– Дверь пусть на крючки закроет, – крикнул дед Никита, выглянув из своей комнатухи.

Пашка попрощался со своим провожатым, погромыхал задвижками, но запирать не стал. Он точно знал, что не должен закрывать дверь.

Все было как в тумане. Он проглотил что-то в столовой, потом вместе со всеми пошел в холл смотреть телевизор. Однако сидеть здесь не было сил. Пашка все время прислушивался к себе, ожидая и опасаясь нового приступа.

Сегодня вечером что-то должно было случиться.

Он встал, отправился в свою комнату. Разделся, побросал кое-как вещи на тумбочку и с головой накрылся одеялом. Его била дрожь.

Без сомнения, это был голос «Покровителя». Но мальчик не мог понять, чего от него хотят. А что, если это какой-то важный приказ?

Он лежал долго. Давно уже был объявлен отбой, ребята пришли и тоже легли спать.

Где-то далеко в коридоре радио пропикало одиннадцать. Пашка чувствовал себя разбитым и слабым. Вдруг невидимый поводьрь снова сжал Пашкины нервы, намотал на кулак и дернул...

Мальчик вскочил с кровати, прислушался. Все спали. Осторожно одевшись, он выбрался в полутемный коридор. Во всем здании уже витали сны.

Пашка прокрался по коридору, вышел на лестницу и сразу услышал, что кто-то поднимается ему навстречу.

Мальчик тихо отступил назад, втиснулся в щель между стеной и каким-то стендом. Мимо не спеша прошла воспитательница из старшей группы. Видимо, сегодня она дежурила.

На лестнице было прохладно. Пашка вспомнил про свое казенное пальтишко, но оно было недоступно. Верхнюю одежду выдавали дежурные, а на ночь гардероб запирали.

Значит, придется идти так. Ноги уже привели его к выходу. Из комнаты вахтера доносился звук работающего телевизора, дед Никита редко выходил по вечерам.

Входная дверь так и оставалась открытой. Это хорошо – не придется греметь запорами. Пашка толкнул дверь рукой, и она легко открылась на хорошо смазанных петлях.

На него сразу дохнул холод ночи. Обхватив тело руками, чтоб не так сильно зябнуть, Пашка побежал по улице, мимо одноэтажных домов, в направлении большого оврага.

Из дворов на него лаяли собаки, но сама улица была пуста. Мальчик растворился в темноте однообразных рядов гаражного кооператива и спустился по руслу высохшей сточной канавы на дно оврага, окруженного невысокими кустами.

Пашка остановился, чтобы перевести дыхание, посмотрел на небо. Где-то там «Покровитель». Он зовет его, он требует к себе.

Мальчик вновь побежал. Под ногами ломались ледяные корочки, они громко трещали, и эхо разносило вокруг звук Пашкиного движения.

Наконец он увидел цель. Среди высоких кустов стояла небесная машина с ржавыми боками и открытым люком. Пашка забрался в него и опустился на жесткое сиденье.

Человек, сидевший за рычагами, не обернулся.

– Тебя пришлось долго ждать, – сказал он на языке «Покровителя».

– Я торопился, – только и смог ответить Пашка.

Люк закрылся, и машина мягко взмыла ввысь. Пашка улыбался, наслаждаясь теплом и покоем. Скоро он будет среди своих...

В узкие стеклянные окошки ничего не было видно, однако чувствовалась огромная скорость машины. Двигатели шумели негромко, но напряженно. Потом их звук стал редеть, растворяться и скоро исчез совсем. Дорога окончилась.

Пашка вылез на темную поляну и увидел, что здесь уже стоят несколько небесных машин. Между ними, собравшись в кружок, сидели люди. Пашка подошел к ним и тоже сел. Никто не сказал ему ни слова, некоторые даже не повернули головы.

Было тепло, видимо, машина перенесла его в южные широты. На фоне черного неба едва проступали углы горных вершин. Пашка не знал, что это за страна, да и не хотел знать. Он переключил внимание на людей, сидевших рядом. Они сидели молча, не проявляя никакого нетерпения. Искусством ждать трудно овладеть, но легко пользоваться. Большинство лиц были знакомы мальчику – он видел их на небесном острове. А самый старший среди них даже несколько раз разговаривал с Пашкой – он был одним из инструкторов. Пашка заметил даже одного негра, которого тоже видел раньше...

Сердце мальчика пело от счастья. Впервые после недолгого, но мучительного перерыва он вернулся в свой круг.

Наконец инструктор встал и проговорил на языке острова:

– Пора. Все, кроме прикрытия – за мной.

Они начали подниматься по склону, продираясь сквозь кусты. Пашке приходилось до предела напрягать силы, чтобы не отстать.

Неожиданно впереди открылся изгиб горной дороги. Старший начал показывать, кто где должен находиться. Потом он позвал Пашку.

– Ложись здесь. – Он указал на обочину дороги.

Пашка послушно лег.

– Не вставай и не шевелись, пока я тебе не разрешу. – Он скрылся в кустах.

Пашка лежал на теплом асфальте, прислушиваясь к гомону ночных насекомых. Скоро ему захотелось перевернуться на другой бок, но где-то вдалеке послышался шум мотора. Из-за поворота блеснули автомобильные фары, через несколько секунд рядом скрипнули тормозные колодки автомобиля.

Хлопнула дверь машины, над Пашкой кто-то склонился. Он услышал голоса – мужчина и женщина тревожно переговаривались на незнакомом языке. Мальчик почувствовал прикосновение к своему плечу...

И в этот момент раздался треск кустов, топот, приглушенные вскрики. Слуги «Покровителя» выросли как из-под земли. Пашка скосил глаза и увидел, что двое крутят руки молодому человеку в светлом костюме, а еще двое теснят к обочине очень красивую девушку с пышными волосами. Правда, сейчас ее лицо было искажено страхом.

Потом человека в белом потащили через кусты вниз, к небесным машинам, а к девушке подошел сзади негр и быстро провел по ее шее блестящей металлической полоской. Девушка

как будто подавилась: сухо кашлянула, вздрогнула несколько раз всем телом и повалилась на асфальт.

– Можешь вставать, – сказал инструктор.

Пашка отряхнул с себя дорожную пыль и огляделся. Двое искали что-то в машине, остальные стояли вокруг. Мертвая девушка лежала на обочине со слипшимися от крови волосами. Негр посветил ей в глаза фонариком, обернулся к инструктору.

– Мертвая. Мертвое не бывает.

Пашка ощутил приход какого-то неведомого ранее чувства. Такая красивая – и... мертвая. Всего за несколько секунд...

Негр подтолкнул Пашку к девушке.

– Иди посмотри, может, на ней есть золото...

Пашка медленно подошел к телу, опустился на корточки. На девушке не было украшений, только на изуродованной шее змеилась золотая цепочка и крестик с зеленым камешком. Осторожно, чтобы не испачкаться в крови, мальчик расстегнул замок и отнес цепочку инструктору.

Такая красивая – и мертвая. Пашка потряс головой, чтобы избавиться от сомнений. Раз это произошло, значит, так нужно. Мудрость вождей «Покровителя» вне подозрения.

Тем временем люди уже закончили осмотр автомобиля, облили его из канистры и откатили к краю дороги. Воздух пропитался огнеопасным бензиновым ароматом. Девушку подняли и бросили в кабину. Автомобиль еще раз подтолкнули и одновременно швырнули в салон маленький тусклый огонек.

Машина зависла на секунду на краю обрыва и покатила вниз огромным огненным шаром, сминая кусты и роняя на землю капли пламени.

– Расходимся, – сухо скомандовал инструктор. Все начали торопливо спускаться, хватаясь за ветви кустов. Один за другим захлопывались люки, и машины растворялись в черном небе. Слуги «Покровителя» уходили, не прощаясь.

Только в кабине мальчик понял, что жутко устал. Он лишь на секунду прикрыл глаза, а когда открыл – машина уже приземлилась в овраге. Пашка нехотя покинул нагретую кабину и обернулся, чтобы сказать что-нибудь на прощание. Но люк уже захлопнулся.

С трудом передвигая ноги, Пашка поднялся по склону оврага, побрел по улице. Уже у поворота он заметил рядом с детским домом две милицейские машины.

На крыльце стояла дежурная воспитательница Альбина Сергеевна.

– Господи, идет, слава Богу, – слышался рассерженный голос, в котором, правда, слышалось облегчение.

Однако усталость сделала Пашку безразличным ко всему, что о нем подумают и что скажут.

– Ты где был?!

– Я... гулял.

– Что значит, гулял? Тут все с ног сбились, тебя милиция по всему городу ищет!

На шум появились два сонных сержанта.

– Нашелся! – сказала Альбина Сергеевна. – Спасибо вам, ребята, извините, что побеспокоили.

– Ничего...

Машины уехали.

– Тамара, дай ему аспирин – и в кровать, – скомандовала завуч. – Надо же – гулял! Полночи на морозе... Укладывай его Тамара, разбираться завтра будем.

В эту ночь Зеленая песня была особенно яркой. Пашка проснулся счастливым и полным сил. Он не боялся неприятностей, которые грозили ему после ночной вылазки.

Впрочем, никаких особых неприятностей и не было. Перед тем как вернуться домой, Альбина Сергеевна сказала дежурной воспитательнице:

– Странный мальчишка... Вроде не хулиган, не буйный, наоборот... И вдруг такие закидоны.

– Да, нас предупреждал тот человек из милиции.

– Я помню. Не знаю, что с ним делать, как говорить. Ему ведь скажешь слово, а он смотрит прямо в глаза, так внимательно, серьезно. Полной дурой себя чувствуешь.

– Думаю, не стоит его сильно наказывать, – предложила воспитательница. – Пусть Нина с ним поговорит по-хорошему... Еще ведь неизвестно, все ли у него, извиняюсь, с головой в порядке. Может, его еще проверять придется.

– Верно. Как бы он лунатиком не оказался.

На этом они разошлись.

Ну а Пашка проснулся точно по расписанию, побежал вместе со всеми умываться, потом – завтракать. С самого утра он был веселым и счастливым, как никогда. Новость о его побеге быстро разошлась среди воспитанников. На него поглядывали с интересом.

Однако к обеду Пашкино веселое настроение сошло на нет. Когда он мыл руки, к нему подошла Нина Ивановна и сказала, глядя куда-то в сторону:

– Задержись после обеда. Нужно поговорить.

Уже за столом мальчик почувствовал себя утомленным. Обед показался сухим и безвкусным, а после чая вдруг заболела голова.

Ночная прогулка по морозу не прошла даром: Пашка простудился. К счастью Нина сразу заметила это и не стала утомлять его нотациями, а быстро отвела в комнату и позвала медсестру. Та дала ему две таблетки, потом окунула ватный тампон в коричневую жидкость и намазала Пашке горло, от чего оно сразу запершило и зачесалось.

Пашку оставили в покое. Минут сорок он ворочался в постели и кашлял, а потом накрылся с головой одеялом и уснул. В этот день мальчик проспал два события: во-первых, наконец выпал снег, а во-вторых, вернулся из отпуска директор.

Старшие группы как сумасшедшие носились во дворе, радуясь вновь обретенной снежной чистоте мира, а Пашка проснулся и смотрел на них в окно.

После полдника к нему зашла нянечка, принесла молоко и булочку с изюмом. А когда она скрылась за дверью, в комнату прокрался Серега.

– Мне сказали, ты заболел. Я подумал, может, есть хочешь.

– Мне уже принесли, – ответил Пашка.

– Понятно. Все равно, на, съешь.

Пашка взял одно яблоко, второе вернул Сереге, и они вдвоем грызли их, усевшись на кровати.

– Тут все говорят, ты убежать пробовал?

– Нет, я просто вышел... Погулять.

– Понятно. А все говорят, что ты убежал, но тебя поймали. Правильно. Я весной тоже убегу. Хочешь, давай вместе.

– Не знаю...

– А ты куда сегодня убежал? На вокзал, наверно? На вокзал нельзя – туда сразу звонят и первым делом ищут. Я знаю, где можно спрятаться. Есть места. Сказать?

– Скажи.

– Знаешь, туалет на рынке? Он как бы под землей, а сверху труба, чтобы воздух свежий шел. Можно по ней пролезть в комнату для уборщиц, а там и скамейки, и тряпки, и халаты. Можно переночевать. Ты только никому не говори.

– Ладно.

– Ты еще не знаешь, что Юрий Мартынович приехал?

- Кто?
- Директор. Он в отпуске был.
- И что?
- Ничего. Он тебя, наверно, вызовет.
- Зачем?
- Так... Познакомиться.

Пашка вдруг понял, что ему хорошо с Серегой. Можно сидеть просто так, болтать и ничего не опасаться. Может, на следующей операции поговорить с инструктором насчет того, чтобы забрать Серегу с собой? Похоже, он хороший и тоже достоин лучшей доли. Тем более что тут его Садык обижает...

– Ладно, мне бежать надо, – сказал Серега. – У нас музыкальный час начинается. К тебе вечером врачаха придет, будет спрашивать и смотреть. Ты улыбайся и говори, что выздоровел. А то в изолятор положат. Там со скуки умрешь. Может, тебе принести чего-нибудь?

– Нет, не надо, – ответил Пашка, чуть подумав. – Лучше сам заходи.

В комнате снова воцарилась тишина. Пашкины соседи возвращались только перед сном. Он подошел к тумбочке Олега и взял с нее книжку.

А.Беляев. «Человек-амфибия». Пашка открыл первую страницу и начал читать. Он уже увлекся книгой, как вдруг в комнату вошел высокий мужчина с красноватыми растерянными глазами. Мальчик сразу понял, что это и есть директор.

– Лежишь?

Пашка мог бы ответить, но решил, что это и так видно.

– Болееешь, значит? – Он прошелся по комнате. – О, да ты читать умеешь!

Директор сощурился, рассматривая заголовок. Потом закивал головой:

– А-а, знаю, знаю. А ты, говорят, только к нам поступил и сразу убежал, да?

– Ничего я не убегал, – сдержанно ответил Пашка. – Я просто гулять вышел.

Директор хмыкнул, походил еще немного, поправил покосившийся выключатель на стене. Потом, пробормотав «ну, ладно», вышел. Пашка так и не понял цели его визита.

Медсестре он сказал, что чувствует себя хорошо и хочет только спать. Она замерила температуру, пожалала плечами и избавила его от необходимости ложиться в изолятор. Правда, велела еще денек провести в постели и ни в коем случае не выходить на улицу. Пашка был не против. Ему понравилась книга, и он решил, что путешествия под водой, должно быть, очень напоминают видения Зеленой песни.

На следующее утро Серега залетел к нему и прямо с порога воскликнул:

– Собирайся! Пойдем скорее! – Он выглядел очень возбужденным и обрадованным.

– Куда? Что случилось?

В спортзал. Там тренер пришел. Будет набирать пацанов в секцию карате! Представляешь?!

– Вообще-то мне нельзя...

– Можно! Я у Нины тебя отпросил. Она сказала, можно!

Пашка оделся и спустился вслед за Серегой в спортзал, где уже гудели растревоженные удивительной новостью воспитанники.

Тренер оказался невысоким и довольно-таки щуплым человеком с узким лицом и острым подбородком. Вместе с ним пришли его ученики – совсем взрослые ребята в желтых кимоно.

Пока тренер переговаривался с Альбиной, воспитанники из старших групп стаскивали в центр зала потрепанные маты.

Потом тренер хлопнул в ладошки, его ученики расселись вокруг матов, шум в зале стих, и началось представление.

Ученики выворачивали друг другу руки, бросали партнеров на пол, били руками и ногами. И хотя удары были не настоящими, а схватки красивыми и отработанными, Пашке это

зрелище не понравилось. От него веяло какой-то животной агрессией, бесчеловечными законами мира, где не прощаются ошибки. Пашка вздрагивал всякий раз, когда видел очередной замах руки или ноги и затем слышал сухой звук удара.

Нет, он никогда не будет этим заниматься. Не примет правила такого мира, в котором побои выделены в отдельное искусство.

Когда воспитанники насладились зрелищем, тренер скомандовал ученикам остановиться, и они снова сели вокруг, скрестив ноги.

– Скажу откровенно, – сказал тренер, – мы с вашими учителями немало сомневались и спорили, прежде чем решить основать у вас школу карате. Ведь боевое искусство может послужить плохому, и вы это знаете.

И все же мы приняли это решение, правда, с некоторыми условиями. Во-первых, не я, а ваши старшие будут решать, кому можно позволить заниматься у нас. Многим придется изменить себя, чтобы прийти в школу. Хочу также сказать, что карате – не только умение отвечать ударом на удар и ломать голой рукой кирпичи. Это прежде всего искусство владеть собой. Не столько телом, сколько духом. Запомните это.

И еще одно. Каждый успех в карате дается тяжким трудом. За каждым красивым ударом стоит изнурительная работа. Не надейтесь на легкие победы.

Мы собираем множество устных законов. Один из них: предотвращенный поединок – выигранный поединок. Кто не согласен с этим, кто идет к нам только, чтобы научиться красиво махать руками и получать превосходство над другими, может сразу отказаться от своей затеи. Такие люди не удержатся в школе карате и быстро уйдут. Я закончил.

Воспитанники притихли и выжидали, кто первый попросится в ученики. Каждый боялся оказаться выскочкой. Однако выскочка все же нашелся. Это был, конечно, Садык. Он вскочил и с горящими глазами подлетел к тренеру.

– Меня запишите!

– Так! – громко сказала Альбина Сергеевна. – Садыков может сразу возвращаться на место. Никакого карате. Сначала дисциплине научись.

На лице Садыка промелькнула злоба, смешанная с горькой досадой. Он затравленно оглянулся на завуча и, опустив голову, вернулся к скамейке, бурча что-то под нос.

Но его поступок дал сигнал остальным. Воспитанники загудели, загалдели и вскочили со своих мест. Первым, как ни странно, успел Серега. Он растолкал локтями остальных и выкрикнул:

– Можно мне, Альбина Сергеевна?!

– Тебе, Сережа, можно. Занимайся. Тихо, тихо! – прикрикнула она. – А ну успокоились, а то сейчас пойдете снег подметать!

– Альбина Сергеевна, а можно Пашке тоже?

– Павлику? – удивилась она. – Ну, пусть попробует.

И тут же она принялась успокаивать остальных:

– Корейкин, ты свободен! Не будешь с девочками драться. Витюков – то же самое. Чернов, записывайся, только не ори. Оксана, а ты-то куда? Тоже хочешь? Ну, давай, только тихо, тихо! Павленко...

– Паша! Пошли быстрее, Альбина тебе разрешила! – прокричал запыхавшийся от счастья Серега, подбежав к нему.

Пашка помотал головой.

– Ты что?! – возмутился Серега. – Вместе заниматься будем. Давай!

– Нет, – сказал Пашка и быстро вышел из зала.

К вечеру он дочитал книгу. Мальчик решил, что было бы здорово поплавать под водой и сравнить это с Зеленой песней. Он зажал нос и попробовал проверить, сколько продержится

без воздуха. Однако часов у него не было, а считать про себя не получалось – цифры бежали в голове все быстрее и быстрее по мере истощения кислорода.

Тогда Пашка бросил это занятие, но решил потом еще потренироваться, а летом, если будет возможность, обязательно поплавать под водой.

Он не предполагал, что плавать ему придется не летом, а гораздо быстрее.

* * *

Пашке было интересно, как продвигаются у Сереги дела в секции. Спросить он стеснялся, а поэтому спустя несколько дней, сбежав после обеда с занятий по рисованию, подкрался к дверям спортзала и заглянул в щель.

Счастливики, удостоенные милости завуча, делали непонятные движения, кувыркались, падали, хлопая ладошками о маты. Пашке это было непонятно и неинтересно.

Почему-то среди них не было Сереги. Пашка побежал к нему в комнату, но и там никого не нашел. Наконец он отыскал друга под лестницей. Это было их тайное место, где они иногда сидели, разговаривая на разные темы.

Даже в полутьме Пашка разглядел Серегины покрасневшие глаза и порядком распухший нос.

– Ты ушел из секции?

– Нет, – буркнул Серега.

– А что случилось?

Серега помолчал, потом признался:

– Садык...

– Что?

Серега наконец получил возможность высказать все, что накопилось.

– Я с обеда шел, а он стоит в коридоре со своими... С «шестерками».

– С кем?

– С Герой и Сусликом. Они у него шестерят. Он им обещал, что когда брат из тюрьмы придет, он им по выкидухе подарит.

– И что дальше?

– Он говорит – ты что теперь, каратист, да? Я хотел убежать, а там уже эти стоят. Подножку мне подставили. Я как треснулся головой об стенку.

Серега не выдержал и начал шмыгать носом.

– А он говорит, я тебе сейчас без всякого карате по роже надаю. Как треснет... У меня кровь из носа.

Он громко засопел, сдерживая слезы.

– Ты Нине сказал? – поинтересовался Пашка.

– Нет.

– Почему?

– Не хочу. Не надо ей ничего говорить.

– А почему тогда ты его не треснул?

– Как почему?! Они же здоровые. Если разозлить – вообще убьют.

– Думаешь, убьют? Надо все-таки попробовать. И еще, мне кажется, ты зря сегодня не пошел на секцию.

– Наверно, зря.

– Ну, так иди.

– Сейчас пойду. Учитель, правда, отжиматься заставит за опоздание.

– Все равно иди. Если ты решил, надо заниматься.

Довольно долго Пашка бродил по коридорам и размышлял. Было странно, что Серега не просит защиты у воспитателей. Но если он не хочет, это, конечно, его дело. Гораздо более странно, что он не пробует защититься сам. Почему?

Может, потому, что у него нет своего «Покровителя»? Пашке-то, конечно, хорошо – ему никакое карате не нужно. Если что – сразу слетятся небесные машины и накажут кого надо. А вот как быть Сереге?

Когда занятия кончились, Пашка уже ждал Серегу у раздевалки.

– Пойдем.

– Куда?

– К Садыку.

– А-а... А зачем?

– Мы должны попробовать его избить.

– Ты что! – вскипел Серега. – Мы же не умеем.

– Надо попробовать, – настаивал Пашка. – Чего ты не умеешь? Бить не умеешь? Это просто, смотри...

Пашка размахнулся и ударил ботинком по деревянному щиту на стенке.

– Я только не знаю, куда бить лучше, – добавил он.

– Наверно, под чашечку, – задумался Серега. – Или между ног.

Ему совсем не нравилась эта затея, но отказываться было стыдно.

Садыка с компанией они нашли у входа в подвал, где те употребляли на троих похищенный у деда Никиты окурочек.

Садык сразу собрался отвесить какую-нибудь веселую глупость и сделал соответствующее лицо. Но, заметив нехороший блеск в глазах у малышей, почувствовал себя неудобно.

– Нас бить идут! – объявил он приятелям.

Суслик и Гера сразу заржали. Они вообще редко что-то говорили, в основном лишь ржали над садыковскими приколами.

Впрочем, Садыку в тот момент было не смешно. А вдруг они и вправду сейчас что-то с ним сделают? Вдруг этот странный новенький придумал какую-нибудь жуткую штуку? Ведь ходили слухи, что он человека убил...

– Я бью между ног, ты – под чашечку, – быстро шепнул Пашка другу.

Гера и Суслик еще не успели ничего понять, а Садык уже охнул и согнулся от боли. Пашка ударил ногой не сильно, но попал куда надо. Серега тоже собирался внести свой вклад, но замешкался, а потом уже не было времени – Пашка крикнул «бежим!».

Они взлетели вверх по лестнице, промчались по коридору и остановились, только когда поняли, что за ними почему-то никто не гонится.

– Здорово мы его! – выпалил Серега, отдышавшись.

– Я же говорил, – ответил Пашка. – Теперь всегда его бить будем.

– Слушай! – восторг Сереги вдруг начал таять. – А если он нас поодиночке отловит, а?

– А мы не будем поодиночке ходить.

Вечером воспитанники собрались в кинозале, смотреть «Золотое путешествие Синдбада». Серега с Пашкой сидели на заднем ряду и немного нервничали. Они ждали появления Садыка.

Однако ни он, ни его дружки не пришли. Вместо этого к ним под села Альбина Сергеевна.

– Значит, так, мальчики, – сказала она ледяным тоном, – если еще раз повторится то, что было сегодня возле подвала – ты, Сережа, простишься со своей секцией. И тебя, Павлик, мы найдем, как наказать.

Серега при этих словах побледнел.

– Наказать нас?! – взорвался Пашка. – Но они же...

Он тут же замолчал, потому что Серега толкнул его ногой.

– Вы меня поняли, мальчики.

– Он нас заложил, – пробормотал Серега, когда она ушла.

– А почему ты его не заложил? – возмутился Пашка. – Мы же не виноваты, они первые начали.

– Нельзя никого закладывать, – серьезно ответил Серега.

– Им можно, а нам нет?

– Да. Нам нельзя.

Пашка замолчал и погрузился в размышления. Его просто поразила неразумность друга. Терпеть издевательства Садыка – ради чего? Ради каких-то предрассудков?..

Да! Именно предрассудков. В них причина всех бед этого мира.

На этом Пашка отвлекся от своих мыслей, потому что на корабль Синдбада напала огромная деревянная женщина и команда вступила в схватку с ней.

Перед сном, как обычно, Даша пожелала всем спокойной ночи и погасила свет. Олег с Витькой долго ворочались, вспоминая разные эпизоды из увиденного фильма, а заодно и из десятка других фильмов.

Пашка молча слушал их, медленно засыпая. И вдруг в глаза снова ударил свет. Кто-то включил в комнате электричество.

Пашка приподнял голову с подушки и едва не вскрикнул. В дверях красовался, щуря маленькие глазки, Садык собственной персоной. За ним виднелась всклокоченная голова Суслика.

– Ага! – сказал Садык. – Мы по адресу.

Витька с Олегом на мгновение выглянули из-под своих одеялок и тут же спрятались обратно.

– Ну, что смотришь, щенок? – процедил Садык. – Бежать некуда? Думал, ударил и убежал? И все, да? И с рук сойдет?

Он маленькими шагами приближался, и с каждым его шагом Пашка все сильнее вжимался в свою кровать.

– Сейчас будем говорить по-другому...

Может, вскочить и ударить его, как в тот раз? А что потом? Бежать? Но там Суслик...

Почему-то мысль о вмешательстве «Покровителя» не успокоила Пашку, как бывало раньше. Теперь он понимал опасения Сереги, что его «вообще убьют» при попытке сопротивления.

Садык приблизился, посмотрел с торжеством на дрожащего мальчика и, сорвав с него одеяло, бросил на пол.

– О! – Его глаза заблестели при виде висящей на груди у Пашки коробочки. – Классный приемничек. Ну-ка, дай...

Пашка обхватил руками грудь и замахал ногами, чтобы отогнать Садыка. В его глазах отразились вдруг такая злость и отчаяние, что тот отступил.

– Хорошо, – спокойно сказал он. – Давай договоримся. Ты отдаешь мне приемник – и мы миримся. Давай?

– Нет! – крикнул Пашка. – Отойди от меня!

Ну неужели никто не поможет?! Витька с Олегом тоже большие, почему же они молчат?

Садык, улучив момент, навалился на мальчика своим тяжелым мясистым телом.

– Суслик, давай! – крикнул он.

Суслик послушно подскочил, схватил приемник своей неуклюжей лапой и дернул на себя. Однако ремешок выдержал, впившись в кожу. Тогда Пашке силой наклонили голову, зажали руки и сняли приемник. Мальчик визжал, извивался, но ничего не помогало.

Садык отступил в угол комнаты, держа Пашкину реликвию в дрожащих руках. Пашка бросился на него, но тот перекинул приемник Суслику. Пашка прыгнул к Суслику, но вновь

приемник перелетел над его головой и оказался в руках у Садыка. Так они некоторое время играли с Пашкой, и даже начали ухмыляться.

Вдруг кто-то метнулся от двери и повис на спине у Суслика.

– Серега! – изумился Пашка.

Приемник упал на пол. Пашка попытался схватить его, но Суслик успел развернуться и отфутболить вещь в сторону Садыка. Удар оказался слишком сильным. Пластмасса хрустнула и...

Звук ломающегося корпуса показался Пашке чудовищным ударом грома. Мальчик упал на колени, чувствуя, что воздух становится тяжелым и вязким. Мир начал терять цвета и четкие очертания...

Пашка трогал онемевшими пальцами обломки, пытался вновь сложить их вместе, но они рассыпались, падали из рук мертвым хламом. На всю жизнь выражение «разбитое сердце» приобрело для него особый смысл. Он смотрел на остатки того единственного, что связывало его с небом, и не видел, что Серегу уже отшвырнули в сторону, и теперь Садык наступал на виновато моргающего Суслика.

– Ты, придурок! Ты разбил приемник! Ты разбил мой приемник!

Серега подполз к Пашке и в замешательстве глядел то на него, то на пластмассовые обломки.

– Так! – раздался громкий голос. – Вся шпана в сборе.

В дверях возвышалась Альбина Сергеевна в компании дежурной воспитательницы.

– Садыков, Сусликов, марш к себе. Сергей – то же самое. Кстати, на свое карате ты больше не ходишь. Не обижайся, я предупреждала. Павлик, успокойся и ложись в кровать. Что, в конце концов, происходит?

Пашка не слушал ее. Из его горла вырывался хрип вперемешку с кашлем, слезы уже иссыкли, и покрасневшие веки лишь слегка дергались, а по худому телу иногда пробегала нервная судорога. Мальчик еще никогда не испытывал такого потрясения.

Он собрал осколки в ладони и прижал к себе, несмотря на увещевания Альбины Сергеевны «выбросить этот мусор». Он не разжал руки даже тогда, когда его взяли под мышки, положили на кровать и накрыли одеялом.

Вскоре настала тишина. Только из-под Пашкиного одеяла раздавались сдавленные всхлипы. Все уснули.

Однако через полтора часа в кабинете дежурной воспитательницы появился перепуганный Олег и сообщил, что с Пашкой что-то происходит.

Прибежав к ним в комнату, женщина увидела Пашку, который метался по кровати, сбросив на пол одеяло, и стонал. Лицо его блестело от пота.

Воспитательница поднесла руку к его лбу и даже на расстоянии почувствовала жар. Она сразу спустилась к себе, позвонила детдомовской медсестре, спросила, что делать. Та, не проснувшись толком, посоветовала позвонить в «скорую», потом сказала, что попробует приехать сама.

«Скорая» прибыла первой. Утомленный врач – мужчина лет тридцати – долго осматривал бесчувственное Пашкино тело, а потом начал задавать воспитательнице вопросы: не могли Пашка простудиться или отравиться чем-то. Еще он порекомендовал походить по палатам и посмотреть, все ли в порядке с другими детьми. Виктор и Олег, которые давно проснулись и со страхом наблюдали за происходящим, вызвались сделать это.

– Что с ним?! – в отчаянии воскликнула воспитательница. – Объясните, чем он болен?

– Сам ничего не понимаю, – раздраженно ответил врач. – Какая-то сплошная аномалия, у него все ни к черту: и температура, и пульс, и давление... Между нами, здорово похоже на абстинентный синдром у наркомана.

– О, господи... – вздохнула женщина.

– Что, «господи»! Лучше вспомните, что было сегодня, от чего он мог заболеть?

Воспитательница начала вспоминать фильм, занятия, игры – самые обычные эпизоды из детдомовской жизни, которые вряд ли могли так отразиться на самочувствии мальчика.

– Еще у него была ссора с ребятами из старшей группы, – добавила она.

– Ссора?

– Да. Как раз перед сном. У него отобрали и сломали какую-то игрушку, мне показалось, транзисторный приемник. Он очень сильно переживал, буквально до истерики...

– А вы не заметили, там, в этой игрушке, не было каких-то ампул или таблеток?

– Вы что, всерьез думаете, что он наркоман? Такой маленький?

– Маленький... Вы многого не знаете.

– Нет... Я думаю, это исключено.

– Ладно. Не будем тратить время на пустые разговоры. Мальчишку мы увозим. Там ему сделают экспресс-анализ и положат под кислород или капельницу – не знаю, что они там решат.

– Под капельницу... – едва слышно повторила воспитательница.

* * *

Пашку увезли. А наутро Альбина Сергеевна собрала в кабинете директора экстренное совещание.

– Я звонила на станцию «Скорой помощи», мне сказали, что Павлик пришел в сознание, хотя ему по-прежнему очень плохо.

– Так что с ним? – поинтересовался директор.

– Никто ничего не понимает. Врачи склоняются к мысли, что это... Э-э... Как они сказали, гипертрофированная истерическая реакция на стресс. Я не ручаюсь за точность терминов, но смысл, надеюсь, вы поняли.

– Его надолго там оставят? – спросила Нина Ивановна.

– Вряд ли. Говорят, к вечеру все нормализуется, если, конечно, не определят какое-то другое заболевание.

– Ну так что? – вяло спросил директор. Ему хотелось, чтобы завуч поскорее закончила эту планерку, которую на самом деле должен был вести он сам.

– Если подтвердится версия об этой самой истерической реакции, то, я думаю, у нас появятся все основания отправить мальчика на психиатрическую экспертизу. Ведь согласитесь, это странно – из-за какого-то дешевого приемника такой... такая истерика.

– А может, эта была его единственная ценная вещь, – возразила Нина Ивановна. – Может, подарок какого-то любимого человека.

Альбина Сергеевна насмешливо взглянула на молодую воспитательницу.

– Да нет у него любимых людей, – сказала она, убрав с губ улыбку. – Нет ни единого.

* * *

После того как ушла боль, Пашка находился в растерянности. Это стало его основным состоянием в последние дни. Жизнь не просто потеряла смысл, она окончилась, оставив догорать лишь свое жалкое подобие, медленный призрак движения и развития.

Пашка почти ни о чем не думал – все казалось мелким, не заслуживающим размышлений. И едва лишь рождалась какая-то мысль, она сводилась к одному – все потеряно...

Мальчик стоял у окна и смотрел во двор психиатрической лечебницы. Одноэтажный детский корпус был окружен легким забором, через который он мог наблюдать гуляющих пациентов.

А сегодня он увидел рядом с забором двух уродливых старух. Одна сидела на корточках и подносила горящие спички к груде битых кирпичей, припорошенных снегом. Вторая громко смеялась над ней.

– Ты что, дура?! Они ж не горят!

У этих жалких существ были спички, были кирпичи, были темы для никчемных разговоров. У Пашки не было ничего.

Скрипнула дверь, к нему вошла пожилая медсестра.

– Пойдем, Павлуша, к доктору.

Сейчас начнется то, что уже было несколько раз. Ему будут показывать бесформенные пятна на бумажных прямоугольниках, задавать странные вопросы, заставлять раскладывать цветные карточки... Доктор был седым и добрым, хотя иногда очень насмешливым.

– Садись, Павлик, – приветливо сказал он. – Сегодня мы будем играть в образы. Знаешь такую игру: я говорю слово, а ты – другое, первое, что пришло на ум? Допустим, я говорю – дом, а ты – труба. Потому, что на доме стоит труба. Понимаешь?

– Понимаю, – равнодушно ответил Пашка.

– Ну, тогда начнем. – Доктор придвинул к себе какие-то бумажки. – Стол!

– Еда.

– Так, хорошо. Стена.

– Холод.

– Хм... Ночь.

– Дорога.

– Вода.

– Лед.

– Рельсы.

– Кровь.

– Что? Интересно... Небо!

– Покровит... – Два чугунных молота рассекли воздух и ударили Пашку по вискам. Он схватился руками за голову и согнулся.

– Что? Что с тобой?! – доктор вскочил со стула.

Боль отпустила. Пашка заметил, что кончики его пальцев начали дрожать.

В следующее мгновение он понял причину – он едва не выдал тайну, и моментально сработал запрет, введенный в мозг доктором Крабом. Какое счастье, что вожди «Покровителя» предусмотрели подобный случай. Пашка не смог бы простить себе такой страшной ошибки.

– Небо, – осторожно напомнил врач, не отрывая взгляда от побелевшего Пашкиного лица.

– Звезды, – выдавил мальчик.

– Хорошо. На сегодня достаточно.

Пашка вернулся в комнату и подошел к своему окну. Старухи со спичками уже ушли.

Мальчик вдруг вспомнил про Серегу. Его поразил поступок друга, когда тот бросился на Суслика. Зачем он это сделал? Ведь Альбина обещала отлучить его от секции...

Пашка не понимал. Ему было бы легко списать все на предрассудки, но он боялся применять к Сереге это окончательное, похожее на приговор слово.

Первое время Пашку беспокоило, что вместе с приемником раскроется и тайна «Покровителя». Но потом он успокоился. Обломки никого не интересовали. Сам же он тщательно собрал их и спрятал за батареей в своей комнате. Выбросить или уничтожить их почему-то не поднималась рука.

На улице темнело. Пашка выдвинул ящик тумбочки и достал приемник. Но не тот, конечно, что дали ему на «Покровителе», а другой, подаренный Ниной Ивановной. Это был обычный дешевый транзистор, воспитательница выпросила его у своего младшего брата и

подарила Пашке, чтобы тот успокоился. Почему-то от этого ему действительно стало легче дышать в этом мире...

«...на часах студии уже восемь, и вы плывете на волнах нашей радиостанции, – услышал Пашка далекий голос диктора. – И если кто-то коротает этот вечер вдвоем, то пусть наша музыка сделает их еще ближе и роднее. А сейчас новая песня – Илья из Воронежа дарит ее Татьяне из Калуги, с которой не виделся уже несколько лет...»

Зазвучала музыка – такая тихая и прекрасная, что Пашка прикрыл глаза. Какая тайна тянет друг к другу людей, находящихся на разных концах мира? Как понять этот мир?

Мальчику вдруг тоже захотелось позвонить кому-нибудь в другой город, поздравить, напомнить о себе, пожелать чего-то хорошего, подарить песню. Но у него никого не было. Только «Покровитель», нить к которому оборвалась...

В эту ночь Пашка опять не мог уснуть. Он ворочался на кровати, вставал, подходил к окну и смотрел на небо, пытаясь разглядеть звезды. Но небо было закрыто плотной пеленой туч.

Потом ему захотелось пить. Он натянул брюки и пошел в туалет через темные гулкие коридоры детского корпуса. Он открыл дверь и сразу увидел, что у окна кто-то стоит спиной к нему. Человек начал медленно оборачиваться, и у Пашки едва не подкосились ноги.

Это был Воспитатель. Он молча смотрел на Пашку, будто сомневаясь в чем-то. Потом сделал несколько шагов вперед.

– Мы звали тебя, – сказал он. – Дважды...

– У меня больше нет приемника, – выдавил из себя Пашка.

– Почему?

Мальчик рассказал историю с Садыком. Воспитатель задумался, а затем сказал:

– Тебе не повезло. Но твоя вина велика – ты не смог сберечь приемник. Впрочем, думаю, ты уже сам себя наказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.